

МБОУ Машуковская СОШ

ПЕРВАЯ ПОЛЕТ

Сборник материалов к 100-летию Б.М. Микулича

Машуковка 2012

Сурова Дарья Евгеньевна

10 класс

Муниципальное бюджетное учреждение

Машуковская средняя
общеобразовательная школа

Мотыгинского района

Красноярского края

Руководитель: Захарцов

Михаил Георгиевич

учитель истории

mikhailzakharov@rambler.ru

Содержание

Сурова Д. Б.М. Микулич.	3
Из «Книги памяти»	15
Ю. Комягин «Возращение Микулича»	16
Л. Ломаева «Осужден за талант»	18
Н. Вершинин. Памяти Микулича	23
М.М. Микулич. Воспоминания о брате	28
С.Калюта. «Таланта прерванный полет»	35
Стихи Б.М. Микулича	44
Письма Б.М. Микулича	51

Борис Михайлович Микулич родился 19 (6).08. 1912 г. в г. Бобруйске в семье земских медиков. Как вспоминала его сестра, Мария Михайловна Микулич «брат был долгожданным и любимым сыном... очень хорошенький и ласковый, он был общим любимцем и баловнем». Отец Михаил Викентьевич, фельдшер, умер в 1919 году от заражения крови, когда его сыну было всего семь лет. Отец будущего писателя был простым крестьянским парнем с Логойщины, которому не досталось земельного надела. В царской армии он стал санитаром военного госпиталя, а

чтобы зацепиться в жизни, начал усердно штудировать пособия для фельдшеров, помогать военным медикам. Сдав экзамен, после действительной службы был зачислен фельдшером бобруйской земской больницы и обосновался в Бобруйске, где и женился. Мать, Мария Антоновна, в 1900 году закончила Могилевскую фельдшерско-акушерскую школу, акушерка, умерла в 1927 г.

После смерти родителей он, вместе с младшей сестрой, жил на попечении двоюродной сестры. В доме была небольшая библиотека, и будущий писатель с малых лет приобщился к мировой классике. Сестра писателя, Мария Михайловна Микулич, вспоминала, что мать их также была «книжницей» и любовь к книге старалась привить сыну. Именно от матери он пронес через всю жизнь любовь к книге. Именем матери дал он слово стать писателем. Сам начал писать рано – когда учился во втором классе. Первый его рассказ «Міроніхін курган» газета «Звезда» раскритиковала. Молодой автор вырезал эту рецензию и на ней написал: «А все-таки я буду писателем» (эта вырезка погибла со всем его архивом в 1936 г.). Присылал свои стихи в газету «Камуніст», но их не печатали. Стихи он больше не писал, вернулся к ним в конце своей жизни. Вместе с одноклассниками организовал и редактировал журнал «Крок» («Шаг»), играл в любительских спектаклях, запоем читал, свободно оперировал литературными фактами, не стеснялся в категорических оценках и суждениях. Микулич рано стал самостоятельным. После

смерти матери еще учеником был вынужден зарабатывать на хлеб, работал в библиотеке. Его «университетом» были люди, книги, жизнь. Борис Михайлович рано начал писать. Принимал активное участие в работе Бобруйского филиала «Маладняка», в 1928 году стал его членом, в 1929 году закончил первую Бобруйскую школу – десятилетку.

Первые шаги Микулича в литературе заметил и поддержал Михась Линьков, который вскоре зачислил его в штат редакции газеты «Камуніст», стал строгим и чутким наставником и редактором молодого талантливого писателя.

С 1929 по 1930 годы Микулич работает в газете «Камуніст».

Учился на творческом отделении Пединститута (1930), на литературных курсах в Москве (1934 – 1935). В 1930 году он переезжает в Минск. В 1930 – 1936 годах работает

корректором в Государственном издательстве БССР, затем и стильредактором, ответственным секретарем в газете «ЛИМ», вел там отдел театра. Снова вернулся в издательство на должность редактора, затем заведующим сектором художественной литературы. . В 1932 году выходят его повести "Наша сонца" и "Ускраіна", посвященные жизни молодежи, пришедшей на стройки первой пятилетки. В 1934 году Борис Микулич становится членом Союза писателей Белоруссии и СССР. Пишет очерки, репортажи, рассказы, участвует в хлебозаготовках и коллективизации, публикует статьи о театре. Из воспоминаний С.И. Граховского, друга Бориса Микулича: «Трудоспособность Микулича была действительно бальзаковской. Молодой, красивый, он быстро находил общий язык с литераторами, становился своего рода силовым полем. Любил бывать на заводах и фабриках, посещать совхозы и колхозы, встречался с молодежью. Жил новыми творческими задумками – благо у Б.М. их всегда хватало». В тридцатые годы повести и рассказы Б.Микулича становились предметом оживленных диспутов и споров в печати, на читательских конференциях и комсомольских собраниях, а имя молодого прозаика неизменно повторялось во всех литературных рубриках, было хорошо известно каждому читающему человеку. Из воспоминаний С.И.

Граховского: "...почти все писатели той поры (имеются в виду 20-30-е годы) были из деревни. Некоторые с "высоты" своей крестьянской "годнасці" считали Микулича рафинированным интеллигентом, пестунчиком обеспеченной семьи, и никто не догадывался, что он почти с детства рос круглым сиротой, в семь лет потерял отца, а спустя восемь лет умерла и мать. Ему с младшей сестрой была назначена пенсия. На 25 рублей в месяц они и жили под присмотром одинокой родственницы Веры Антоновны. В наследство остался деревянный дом на Минской улице, полочка книг русских и зарубежных классиков да тяга к чтению и знаниям. Семья Микуличей имела хорошую на то время библиотеку, здесь любили и понимали искусство, литературу. Микуличев потомственный животворчий корень был крестьянский: отец – Михаил Викентьевич от сохи из деревни Тереховичи на Логойщине пошел на призыв и стал в царской армии санитаром военного госпиталя. В ночные дежурства не расставался с учебниками по медицине и после действительной воинской службы выдержал экзамен на фельдшера. Служить начал в Бобруйской земской больнице, женился на молодой акушерке, и дали они жизнь четырем дочерям и сыну Борису. Вот и вся "обеспеченность", вот и вся "интеллигентность"...Есть писатели, которые не могут не писать. Литература стала их судьбой, их необходимостью, их радостью и болью. Таким был Борис Микулич".

В 1936 году был приглашен читать курс теории литературных жанров и истории очерка в Коммунистический институт журналистики (Минск). Часто бывал в доме известного белорусского писателя Янки Купалы. В итоге поездок по Белоруссии, Смоленщине, творческих командировок в Магнитогорск, Грузию появились повести «Стойкость», «Дружба», «Публицистические эскизы», новеллы, статьи, очерки. До 1936 года у Б.М. Микулича было издано семь художественных книг. Не все его произведения выдержали испытание временем, однако лучшие рассказы, повести отличаются психологизмом, глубинной проникновением в человеческие характеры, живым, выразительным языком.

26 ноября 1936 года Борис Михайлович был арестован. Борис Микулич признавался: «В обстановке последних дней минской жизни, когда в писательской среде царил паника, я был спокоен, потому что считал (и считаю теперь), что все аресты, все разговоры о них, ко мне не имеют никакого отношения. Я не только писал в эти дни статьи, но и систематично, спокойно просиживал за письменным столом и писал повесть «Скрипка»...». Что все, что случилось с ним – недоразумение, правда

победит, верил и после того, когда сотрудники НКВД, перевернув все в комнате, приказали собираться. На прощание бросил сестре, с которой вместе жил: не переживай, это - явное недоразумение. Я скоро вернусь! О том, что пришлось пережить молодому писателю в те дни, лучше всего рассказывают его дневники. "Во-первых, мне инкриминировали участие в какой-то фантастической и мало осязаемой троцкистской организации. Оказалось, что по возрасту это не увязывается. Отпало. Затем - шпионаж в пользу Польши. Но и здесь нельзя было найти хоть какие-то связи. Отпало и это. И что же? Однажды следователь Сотиков ночью сказал мне: "Вы, Борис Михайлович, ни в чем не виноваты". Я резонно заметил: "Тогда пишите определение о моей невиновности". В ответ на это следователь сказал: "Нет. Вас передадут другому следователю. Мне жаль вашей молодости". Когда необоснованные обвинения в участии троцкистской организации, шпионаже в пользу Польши не подтвердились, Верховный суд БССР осудил его на десять лет лишения свободы за то, что Б.М. Микулич, работая в издательстве «Содействовал изданию художественной контрреволюционной литературы». Все вынес он и остался человеком, не поступился совестью. Позже он напишет о бесчеловечной жестокости, царившей в сибирских лагерях, об унижении человека человеком. Напишет, что не потерять достоинства здесь было очень трудно, "Я остаюсь таким же, каким пришел сюда. Никто не помянет меня худым словом». Через все мыслимые и немыслимые испытания прошел Микулич. Он выдержал все и сумел остаться человеком, личностью Досталось и его сестре,

Марии Михайловне, которая позднее вспоминала: "Все знают, что я не предала брата, несмотря на то, что в 1937 году меня, девчонку, хорошо потрепали, предлагая от него отказаться..." В пересыльных камерах Минской и Могилевской тюрьмах вместе с ним сидели белорусские писатели У. Хадыка, С. Баранавых, С. Знаемы, С. Астапенко, А.Звонак, У. Межевич и другие. В 1937 году писатель был переведен в Мариинск Новосибирской области, в 1938 году – в Решеты Красноярского края. Тюреммы, этапы, лагеря, нечеловеческие условия, тяжелая работа на лесозаготовках, строительстве железной дороги, земляных работах, голод, холод подорвали здоровье, но не отбили желание писать. Микулич много писал писем-заявлений в разные инстанции, в которых очень просил пересмотреть прежний приговор. Перед самой войной Верховный суд БССР должен был пересмотреть его дело, но помешала война. Во время войны председатель Верховного суда СССР Голиков, уведомил, что его дело утеряно, а восстановить невозможно, по причинам военного времени. Потому, до конца 1943 года он являлся заключенным, пока ему не разрешили стать ссыльным. В лагере он работал сначала инженером, затем начальником отдела труда и зарплаты. В 1946 г. он купил книгу за двадцать пять рублей «История ВКП (б). Краткий курс». Он продолжает верить Сталину и считает, что тот ничего не знает о массовых репрессиях.

Лишь в 1946 году увидел он родной Бобруйск. Днем работал в городской библиотеке, а потом, вернувшись, домой в маленькую комнатку, писал. Писал долго, порой до глубокой ночи. Он торопился, словно чувствовал, что ему многое надо успеть сделать. Задолго до XX съезда им была написана «Повесть для себя» (первая часть ее опубликована в журнале «Неман» № 3 за 1987 год). Это — страстная исповедь, это — искреннее стремление разобраться в происходившем в стране. Вспоминая пережитое, Б.Микулич писал: «...Я очень жалел, что нет сапог, в условиях сибирских лагерей — это самая универсальная обувь. Конечно, за десять лет можно было бы сделать сапоги. Но нужно было бы поступиться принципом и дать взятку, как делали (и делают) многие. Худо ли, хорошо ли, но мною всегда овладевала душевная дрожь, когда сталкивался с этим страшным явлением — взяточничеством. Есть и теория — десятки выживают только потому, что можно

«доить» сотни. Худшие рабские, капиталистические элементы внедрились здесь, расслоили арестантскую среду на «плебеев» и «париев», на «работных» и «аристократов», «придурков». Вопреки директивам, приказам и законам установились свои внутренние законы, по которым живет лагерное сообщество, и в сущность их никак не могут проникнуть руководители, сколько бы они ни прилагали усилий. Я уйду отсюда таким же бедным (материально), как и пришел, но знаю, что не найдется ни одного человека, который бы помянул меня худым словом и назвал бы вымогателем. Найдется, конечно, немало людей, которые скажут обо мне — чужак». В 1946 году, после окончания первого срока, Борис Микулич уехал в Ашхабад к своей старшей сестре, где написал первую часть исторического романа "Адвечнае". На материале войны 1812 года писатель прослеживает развитие ярких характеров, рисует драматические картины борьбы белорусских партизан с наполеоновскими захватчиками. Роман остался незавершённым. Его первая книга была опубликована только в 1972 году. В Ашхабаде у Б.М. была любимая женщина Ольга Сергеевна Юшкевич - художница, которая порвала с ним из-за его судимости, соответствующие органы заставили ее сделать это. Познакомились с ним заочно через сестру Катю. Писала ему из Ашхабада, посылала книги, поддерживала морально и материально. Погибла во время землетрясения в 1948 г. В 1947 г. написала его сестре Марии: «Передайте Б.М., чтобы он мне ничего не писал, пока...пока он не станет полноценным гражданином». Вскоре, она снова начала ему писать, но Борис Михайлович писал: «после тех пяти слов мне противные безымянные учительски-восторженные письмишки». Он не мог простить предательства.

Вскоре писатель вернулся в Белоруссию. В это время он много пишет, но его не печатают. Писатель жил, но его как будто и не было среди людей – волчий билет, выданный пожизненно, и только сестры, близкие и родные люди жалели его, понимали душевные страдания, старались хоть как-то сгладить его неприкаянную, нестроенную жизнь и даже высказывали мысль, что зря он связал свою судьбу с литературой. Но он спорил с ними, говорил, что сделал правильный выбор и не

смог бы жить без литературы: «Нет, литературой я болен хронически и хорошо себя чувствую только тогда, когда пишу».

Он настойчиво и кропотливо собирает материал о деятельности антифашистского подполья в годы Великой Отечественной войны, встречается с партизанами, подпольщиками, партийными работниками, действовавшими в тылу врага, и пишет повесть "Трудная година". Классику белорусской литературы Максиму Богдановичу он посвятил тонкую лирическую повесть "Прощание". В первый послевоенный год им написано

особенно много. Оказавшись на свободе, на родине, писатель торопится, пишет. Ему есть, о чем рассказать людям. Он словно чувствует быстротечность, краткость возвращенной свободы. И не ошибается в своих предчувствиях. В апреле 1949 г. Борис Микулич, как и многие бывшие заключенные ГУЛАГа, был повторно арестован. Приговор: "На вечное поселение в Красноярский край". Местом ссылки писателя была определена Машуковка тогда еще Тасеевского, а ныне Мотыгинского района. Как жилось здесь писателю? Каким было его окружение? Чем он занимался в этот последний пятилетний период жизни? Об этом рассказывали машуковские старожилы Афанасий Евгеньевич Лапшаков и супруги-пенсионеры Мария Васильевна и Григорий Иосифович Марченко. Оказывается, в те трудные послевоенные годы жизнь в Машуковке - леспромхозовском поселке, была намного интересней теперешней. Наполняли содержанием, обогащали ее именно ссыльные. Кого только не узнала далекая северная деревенька: режиссера Александра Матвеева (в поселковом клубе он был и постановщиком пьес и киномехаником), московского артиста Евгения Толубяка (он заведовал машуковским клубом), Елизавета Ивановна Кузьменко, сосланная вместе с мужем - работником Ленинградского обкома партии по известному "ленинградскому делу", - отлично пела, и все сельчане заслушивались ее песнями. Жил здесь и литовец Карл Линтин, бывший командир корпуса из армии генерала Уборевича, и инженер Орловский, и многие другие. Но, пожалуй, чаще вспоминают старожилы Микулича

- человека редчайшего обаяния, высокой культуры, скромности. Он прибыл в Машуковку в тридцать семь лет, но был уже совершенно седым.

Вспоминают его молодое, одухотворенное лицо в обрамлении седых волос и невероятную печаль в глазах. Все ссыльные работали в леспромхозе. А свободное время отдавали любимому делу. Микулич много писал. Писатель работал диспетчером в конторке леспромхоза, а жил в небольшом домике на Набережной улице, куда возвращался после трудового дня и снова садился за рукописи. Активно занимался театральной работой в местном клубе, где ставил с другими ссыльными спектакли, различные праздники к которым сам писал сценарии. В последние месяцы жизни писатель работал над романом о леспромхозе, в котором он собирался рассказать о пережитом, обо всех унижениях и оскорблениях, перенесённых им за годы изгнания. Кроме того, он вёл дневники, следы которых, к сожалению, затерялись (один из этих дневников читал белорусский писатель Станислав Шушкевич).

Из далекой Машуковки пошли письма в родную Белоруссию. Он просил родных, знакомых, больше присылайте книг, книг, книг... Регулярно он переписывался с сестрами - Тamarой Михайловной, Женей (Евгенией Михайловной), которая работала учительницей в школах Паричского и Кличевского районов и, особенно с Муркой, как ласково брат называл свою младшую сестру Марию Михайловну. Вел переписку он и с известной белорусской актрисой Татьяной Бондарчик. Татьяна Андреевна Бондарчик (1902-1974), актриса Витебского, затем Бобруйского театров. В 30-е гг. вместе с Б.Микуличем работала в Белгосиздате. Вот отрывки из этих писем:

«Живем мы в глуши, на берегу огромного притока Ангары – на реке Тасей, в 120 км. от районного центра и в 250 км. от железной дороги. Тайга, тайга! Сурово и грубо все, но можно было бы жить, если бы не миллиарды мельчайшей мошки, которая заедает все живое. Люди ходят в накомарниках, мажутся дегтем..., она лезет в уши, грызет кожу, слепит глаза.... Есть у нас клуб, плохонький, я принимал

участие в самодеятельности, но в связи с тем, что работаю в 12 км, от Машуковки, отстал, да и возраст уже не тот, через неделю мальчику стукнет 38.... Народ ко мне относится хорошо. Но приятелей близких нет. В последнее время признаюсь, потянуло на литературу. Может, кончится лето, осяду на частной квартире, попробую писать. Хочу написать «Сповідзь» - без адреса и без надежды опубликовать. Для себя.... Ну, вот и все. На любые твои вопросы готов давать точные ответы. Не забывай друга на чужбине, Таня!». 30.07.50.

«В воскресенье мы думаем показать «премьеру» – «За вторым фронтом», над которым в качестве режиссера тружусь уже два месяца. Из всех исполнителей один бывший профессионал. Вообще, любительщина беспросветная, но нужно что-то делать, как-то играть, как-то жить, немного переключаться, тем более что моя супруга – заведует клубом. Вот актрисой она страсть как боится быть, хотя все данные для этого есть.... Она, моя супруга, славный и самоотверженный человек, рискнула из-за меня своим положением активистки-учительницы (и депутата), спасла мне жизнь.... Работаю я счетоводом-нарядчиком гаража, вожусь с отчетностью по механизмам, с нарядами токарей, слесарей ит.д. Скучная материя! Клуб у нас маленький, библиотека - еще меньше. Раз в год забредет какая-нибудь бригада краевого концертного бюро (скандал, Таня), но компенсирует нашу скуку кино (у нас вой аппарат)». 10.V.51.

«Живем мы на берегу огромного притока Ангары – Тасея. Летом река эта является единственным сносным путем связи с миром. Поселок большой – уже около 550 человек рабочих, электростанция, автопарк, шпалозавод, семилетняя школа, много строят. С нового года, очевидно, отколемся от леспромхоза и станем самостоятельной единицей, тогда Машуковка станет «центром». Есть смета (400 тысяч) на постройку клуба, больницы и радиоузла. Теперь же больницы нет, а радио слушаем, у кого есть приемники. Иметь 250 рублей приемник наша с Машей мечта, но пока – много других дыр. Плохо только, что у меня шалит здоровье и жене моей со мной тяжело....» 22.V.51.

«... Вот и дождь прошел. Очень мало – всего минут десять он шел. Все зазеленело, и шел он так мало! Правда, где-то еще погромыхивает, может, повториться. В этом году жара ужасная и огромное количество мошки и комаров. Я не очень боюсь ее, но и мне невыносимо. Вот такие дела... И еще могу сообщить пренеприятную новость: шестого августа мне исполняется сорок лет!.. из коих 15 почти не жил, а существовал....» 10.VII.52

Судьба не обошла его простым человеческим счастьем, хотя и недолгим. В 1950 году приехала учительствовать в деревню выпускница Канского педагогического училища Мария Смелякова. Она была родом из семьи "врагов народа", сосланных в Сибирь из Белоруссии. Первый муж Смеляковой

бросил её с малолетним сыном после того, как ему отказали в приёме в партию из-за жены-кулачки. Они встретились - истерзанный жизнью 38-летний Микулич и молодая женщина - и в том же году поженились. Марии Ивановне Смеляковой после замужества запретили работать в местной школе «за сожителство с ссыльным контрреволюционером». Вот что вспоминала супруга Бориса Михайловича : «Роно прислало приказ о моем переводе в другую местность за сто сорок километров. Дороги туда не было никакой, только пешком, а с квартиры уже гонят. Сижу с маленьким сыном на крыльце и плачу. И тут подошел ко мне Борис Михайлович. Узнав о случившемся, он сказал: «Я знаю и люблю Вас давно, но никогда не сказал бы об этом, если бы не ваш развод. Вы свободны. Сейчас я пойду и скажу, что женился. Вам дадут угол в бараке... мы стали мужем и женой, хотя регистрировать нас никто не стал бы. Такое было время». За короткий срок, сразу после женитьбы, Микулич начал строить свой дом, чтобы не жить в общем бараке. Он был первым из ссыльных, кто построил свой угол. Зная о слабом здоровье писателя, ссыльные помогали на стройке. Все шло хорошо, но не давала покоя язва желудка, приобретенная Борисом Михайловичем в лагерях. Пришлось делать

операцию. Оперировал его один из ссыльных, врач Неймущенко из Ленинграда. Из-за слабого сердца операцию делали без наркоза. Четыре с лишним часа длилась эта мука. Вырезали язву и половину желудка. От боли Микулич протер руку об угол стола. Дома жена кормила его с ложечки, пока не разработался желудок. Сама устроилась работать на шпалозавод. После операции Борис Михайлович перестал ходить в клуб и руководить драмкружком, но уговорил супругу принять на себя эту работу. Мечтали жить долго, любить друг друга. Но судьба распорядилась по-иному, отмерив им малый срок - всего четыре года. Все чаще и чаще острая боль схватывала сердце. И все труднее было выносить эту мучительную боль. 17 июня 1954 года Микулич, придя на работу, бессильно склонился над столом и умер. «Вечером он долго читал книгу – вспоминала Мария Ивановна. Сейчас уже не помню какую именно. Ложась спать спросила: «Ну и что там в конце?». Он ответил: «Она умерла». А утром, собираясь на работу, сказал: «Видел ужасный сон». Рассказывать не стал, знал мой беспокойный характер. В конце деревни в маленькой избушке – диспетчерской он выписывал путевки, выпускал машины на линию. Говорят, при заполнении очередной путевки он бессильно уронил голову на стол. Когда окружающие опомнились, он был уже мертв». Хоронили Бориса Михайловича всей деревней. Народ шел сплошным потоком от дома до кладбища. Звучал духовой оркестр. Шпалозавод остановил работу. Все пошли проводить в последний путь человека, которого хорошо знали, своего товарища. Гудел заводской гудок. Один из выступающих сказал: «Спи спокойно, наш любимый Борис Михайлович. Придет время, когда твой прах с честью привезут на родину».

И еще одно письмо, написанное Микуличем за год до смерти на этот раз тем, кто мог изменить жизнь писателя, признать его невиновность, оправдать...

«Итак, снова наступило время напомнить о своем существовании и об исторической несправедливости, которую следует, в конце концов, исправить.

К Вам обращается бывший белорусский литератор, автор нескольких книг. На двадцать пятом году своей жизни, в конце 1936 г., я был арестован в Минске, обвинен в принадлежности к контрреволюционной организации, а затем приговорен по статье 58 – 10 -11 к 10 годам лагерей. Достаточно сказать, что ни в

1937 г., ... ни позже я не считал себя виновным в приписываемых мне преступлениях.

...1/9 – 1947 г. Верховный совет БССР снял с меня судимость...

...в конце апреля 1949 года меня снова арестовывают....спустя шесть месяцев, меня, решением Особого совещания, отправляют на поселение в Красноярский край «за контрреволюционную националистическую деятельность». И вот четыре года я нахожусь в Красноярском крае, в Тасеевском районе, в поселке Машуковка.

Когда же это кончится? Вот уже пятнадцать лет терплю страдания и унижения – за что? За надуманные преступления, за которые я уже ответил десятью годами лагерей, меня ссылают в Красноярский край, который сужен рамками даже не района, а одного лишь поселка, из которого мы можем выехать разве что в районное село Тасеево и то с разрешения комендатуры.... По существу, это тот же лагерь, только без забора и вышек, - нечто вроде штрафной бесконвойной командировки. Об этом можно написать тома.

Я не бью себя в грудь и не каюсь, мне не в чем каяться, разве только в одном – что не пресеклась моя жизнь. Но в этом последнем пока бессильны даже работники МГБ.... Не каюсь, но честно говорю: дайте возможность жить, мне и моей семье, дайте честно работать, но без оглядки. Еще раз спрашиваю: когда кончится эта глупая и злая шутка с мнимым контрреволюционером?

Б. Микулич». 10.5.53.

«Определение.

23 сентября 1955 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Белорусской ССР ... в закрытом заседании протест Генерального прокурора СССР на постановление Особого совещания при МГБ СССР от 3 сентября 1949 г., которым Микулич Борис Михайлович, 1912 года рождения, белорус, служащий, уроженец г. Бобруйска, беспартийный, за принадлежность к антисоветской националистической организации и антисоветскую организацию сослан на поселение в Красноярский край.

В протесте ставится вопрос об отмене указанного постановления с прекращением дела дальнейшим производством.

...судебная Коллегия

УСТАНОВИЛА:

Следует признать, что постановление Особого совещания о ссылке Микулича на поселение является неосновательным.

Соглашаясь с протестом и руководствуясь ст. 51 Закона о судеустройстве, судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 3 сентября 1949 г. о ссылке Микулича Б.М. на поселение в Красноярский край отменить и дело в этой части дальнейшим производством прекратить.

Микулича Б.М. от ссылки освободить».

Наверняка, Борис Михайлович был бы рад, узнав о таком решении его дела. Но «глупая и злая шутка с мнимым контрреволюционером» и здесь не закончилась – к моменту оправдания, уже почти как полтора года не было в живых. Он умер прямо за рабочим столом в далеком от его Белоруссии таежном сибирском поселке Машуковка 17 июня 1954 года на 42 –ом году жизни...

Из «Книги памяти»

МИКУЛИЧ Борис Михайлович, 1912 г.р., белорус, уроженец г. Бобруйска. Белорусский писатель. Первые рассказы в 15 лет. Арестован и осужден осенью 1936 по ложному доносу. Освобожден в 1945-1946. В апреле 1949 снова арестован, вечное поселение в с. Машуковка Удерецкого (ныне Мотыгинского) р-на КК.

Диспетчер в леспромхозе. В сентябре 1954 реабилитирован. 17.06.1954 умер за рабочим столом от сердечного приступа. Жена, Смелякова Мария, окончила Канское педучилище, после смерти мужа уехала к родителям в Игарку.

[-Ломаева Л. «Осужден за талант», "Красноярский рабочий", 02.02.1989.](#)

[-Ю.Комягин. Возвращение Микулича](#)

[-30.08.07 Михаил Захарцов. Семь книг Бориса Микулича](#)

Возвращение Микулича

Он, наверное, чувствовал, что вот-вот судьба его должна измениться. Свежие ветры перемен веяли над страной. Только все чаще острая боль схватывала сердце. 17 июня 1955 года он бессильно склонился на диспетчерский стол. Это было в леспромхозе села Машуковка Тасеевского района Красноярского края. Умер от паралича сердца белорусский писатель, человек самобытного дарования — Борис Микулич. Его похоронили на сельском кладбище, вдали от родных мест...

В Машуковке прошли последние пять лет его жизни, здесь писатель напряженно трудился, вел дневники, дорабатывал рукописи ранее написанных произведений. Исключительные условия существования не смогли сломить этого человека, внешне похожего на любимого им Блока.

Борис Михайлович Микулич родился в 1912 году в Бобруйске. Рано лишившись родителей, он сполна хлебнул лиха, но уже пятнадцатилетним школьником опубликовал свои первые рассказы. Литературу юноша любил самозабвенно, она стала делом его жизни. Обладая удивительной работоспособностью, Б.Микулич с 1931 по 1936 годы написал несколько сборников рассказов, повести «Наше солнце», «Окраина», «Дружба», множество рецензий, статей и других произведений.

Осенью 1936 года по ложному обвинению Борис Микулич был арестован. Почти год длились бесконечные допросы. Позже в своем дневнике он запишет: «Во-первых, мне инкриминировали участие в какой-то фантастической и мало

осязаемой троцкистской организации. Оказалось, что по возрасту это не увязывается... Отпало. Затем — шпионаж в пользу Польши. Но здесь действительно нельзя было найти какие-нибудь связи. Отпало и это. И что же? Однажды ночью следователь Сотиков сказал мне: «Вы, Борис Михайлович, действительно ни в чем не виноваты». Я резонно заметил: «Тогда пишите определение о моей невиновности, и баста». «Нет, вас передадут другому следователю, применят всякие методы, мне жаль вашей молодости!».

Но Микулич, не пошел ни на какие компромиссы с совестью. Уже на суде ему обещали уменьшить срок наполовину за признание вины. Отказ — и десять лет лишения свободы.

Через все мыслимые и немыслимые испытания прошел Микулич. Он выдержал все и сумел остаться человеком, личностью. Лишь в 1946 году увидел он родной Бобруйск. Днем работал в городской библиотеке, а потом, вернувшись, домой в маленькую комнатку, писал. Писал долго, порой до глубокой ночи. Он торопился, словно чувствовал, что ему многое надо успеть сделать. Задолго до XX съезда им была написана «Повесть для себя» (первая часть ее опубликована в журнале «Неман» № 3 за 1987 год). Это — страстная исповедь, это — искреннее стремление разобраться в происходившем в стране. Вспоминая пережитое, Б.Микулич писал:

«...Я очень жалел, что нет сапог, в условиях сибирских лагерей — это самая универсальная обувь. Конечно, за десять лет можно было бы сделать сапоги. Но нужно было бы поступиться принципом и дать взятку, как делали (и делают) многие. Худо ли, хорошо ли, но мною всегда овладевала душевная дрожь, когда сталкивался с этим страшным явлением — взяточничеством. Есть и теория — десятки выживают только потому, что можно «доить» сотни. Худшие рабские, капиталистические элементы внедрились здесь, расслоили арестантскую среду на «плебеев» и «париев», на «рабочих» и «аристократов», «придурков». Вопреки директивам, приказам и законам установились свои внутренние законы, по которым

живет лагерное сообщество, и в сущность их никак не могут проникнуть руководители, сколько бы они ни прилагали усилий. Я уйду отсюда таким же бедным (материально), как и пришел, но знаю, что не найдется ни одного человека, который бы помянул меня худым словом и назвал бы вымогателем. Найдется, конечно, немало людей, которые скажут обо мне — чужак».

Так в тяжелейших условиях не гасла в нем жизнь, мысли были о будущем, о литературе. Вот почему, выйдя в первый послевоенный год на свободу, Микулич так много успел написать за предельно короткий срок (хотя почти ничего тогда не было опубликовано). В апреле 1949 года его снова арестовали. Приговор: вечная ссылка в Красноярский край. Борису Микуличу не удалось дожить до своей реабилитации три месяца. Скромный памятник поставлен на его могиле. Но главное — уцелели рукописи. И они сегодня становятся книгами. В белорусском республиканском издательстве «Мастацкая літаратура» недавно выпущен большой том его избранных произведений. Готовятся к публикации остальные части «Повести для себя». Новые горизонты открывает эпоха гласности.

В этом году Б.Микуличу исполнилось бы семьдесят пять лет. Немного отпустила ему жизнь. Но многое он успел сделать и еще больше мог бы сделать.

Ю.Комягин,
участник I Белорусского совещания молодых критиков
«Красноярский рабочий», № 227 (20618), 30.09.1987 г.

Осужден за талант

Небольшое сельское кладбище в Машуковке. Обнимают его с одной стороны густой лес, а с другой - близко подступившая взлетно-посадочная полоса. И все-таки здесь особенная, пронзительная тишина. Ан-2 прилетит сюда один раз в день, чтобы привезти пассажиров и почту, и снова тихо и спокойно. Среди роскошных

памятников, белоснежных обелисков, ажурных оград, ухоженных могил сиротливо склонились черные кресты - наскоро сколоченные деревянные памятники времен репрессий. На одном из них скромная надпись: "Борис Михайлович Микулич. 1912-1954 гг."

Рассматриваю истертую временем надгробную надпись, а рядом в молчании замер мой спутник Афанасий Евгеньевич Лапшаков - один из старожилов Машуковки, близко знавший писателя Микулича. Тихое место. Тихая могила. И мало кто знает, какой необычайной судьбы человек нашел на этом кладбище последнее пристанище. Какие страсти кипели когда-то вокруг этого имени!

Белорусский писатель Борис Микулич прожил всего лишь 42 года. Пятнадцать из них - в сибирских лагерях и тюрьмах. За что обвинен и осужден? За смелость, за талант, молодой и светлый. За произведения, наполненные острыми социальными темами, романтической борьбой, пафосом социалистического будущего. Осужден за то, что в роковые тридцатые-сороковые годы задумывался о судьбах народа, пытался разобраться в событиях, происходивших в стране, искренне и страстно доносил их суть людям.

Родился Микулич в белорусском городке Бобруйске. Родителей лишился рано, и поэтому юность будущего писателя была далеко небезоблачной. Единственным светлым пятном в ней стала страсть к литературе, к писательскому труду. Пятнадцатилетним школьником публикует он свои первые рассказы, поражая потом необычайной работоспособностью. За пять лет им опубликовано несколько сборников рассказов и повестей, многочисленные рецензии и статьи. Но суровая действительность тех лет, изображенная им с такою силой, заносит свой безжалостный меч и над ним.

Осенью 1936 года Микулича арестовали по ложному обвинению. О том, что пришлось пережить молодому писателю в те дни, лучше всего рассказывают его дневники. "Во-первых, мне инкриминировали участие в какой-то фантастической и мало осязаемой троцкистской организации. Оказалось, что по возрасту это не

увязывается. Отпало. Затем - шпионаж в пользу Польши. Но и здесь нельзя было найти хоть какие-то связи. Отпало и это. И что же? Однажды следователь Сотиков ночью сказал мне: "Вы, Борис Михайлович, ни в чем не виноваты". Я резонно заметил: "Тогда пишите определение о моей невиновности". В ответ на это следователь сказал: "Нет. Вас передадут другому следователю. Мне жаль вашей молодости".

Все вынес он и остался человеком, не поступился совестью. Позже он напишет о бесчеловечной жестокости, царившей в сибирских лагерях, об унижении человека человеком. Напишет, что не потерять достоинства здесь было очень трудно, "Я остаюсь таким же, каким пришел сюда. Никто не помянет меня худым словом. Найдется, конечно, немало людей, которые скажут обо мне - чудак". Чудак потому, что не смог, не захотел приспособиться к лагерному начальству, дать взятку, стать вымогателем, обеспечить себе относительно безбедное лагерное существование.

В первый послевоенный год им написано особенно много. Оказавшись на свободе, на родине, писатель торопится, пишет. Ему есть о чем рассказать людям. Он словно чувствует быстротечность, краткость возвращенной свободы. И не ошибается в своих предчувствиях. В апреле 1949 года его снова арестовывают. Приговор: "На вечное поселение в Красноярский край". Местом ссылки писателя определена Машуковка тогда еще Тасеевского, а ныне Мотыгинского района.

Как жилось здесь писателю? Каким было его окружение? Чем он занимался в этот последний пятилетний период жизни? Об этом рассказывают машуковские старожилы Афанасий Евгеньевич Лапшаков и супруги-пенсионеры Мария Васильевна и Григорий Иосифович Марченко. Оказывается, в те трудные послевоенные годы жизнь в Машуковке - леспромхозовском поселке, была намного интересней теперешней. Наполняли содержанием, обогащали ее именно ссыльные. Кого только не узнала далекая северная деревенька: режиссера Александра Матвеева (в поселковом клубе он был и постановщиком пьес и киномехаником), московского артиста Евгения Толубяка (он заведовал машуковским клубом),

Елизавета Ивановна Кузьменко, сосланная вместе с мужем - работником Ленинградского обкома партии по известному "ленинградскому делу", - отлично пела, и все сельчане заслушивались ее песнями. Жил здесь и литовец Карл Линтин, бывший командир корпуса из армии генерала Уборевича, и инженер Орловский, и многие другие.

Но, пожалуй, чаще вспоминают старожилы Микулича - человека редчайшего обаяния, высокой культуры, скромности. Он прибыл в Машуковку в тридцать семь лет, но был уже совершенно седым. Вспоминают его молодое, одухотворенное лицо в обрамлении седых волос и невероятную печаль в глазах. Все ссыльные работали в леспромхозе. А свободное время отдавали любимому делу. Микулич много писал. Писатель работал диспетчером в конторке леспромхоза (теперь в этом здании почта), а жил в небольшом домике на Набережной улице, куда возвращался после трудового дня и снова садился за рукописи.

Судьба не обошла его простым человеческим счастьем, хотя и недолгим. В 1950 году приехала учительствовать в деревню выпускница Канского педагогического училища Мария Смелякова. Они встретились - истерзанный жизнью 38-летний Микулич и молодая женщина - и в том же году поженились. Мечтали жить долго, любить друг друга. Но судьба распорядилась по-иному, отмерив им малый срок - всего четыре года. Все чаще и чаще острая боль схватывала сердце. И все труднее было выносить эту мучительную боль. 17 июня 1954 года Микулич, придя на работу, бессильно склонился над столом и умер.

Всего три месяца не дожил писатель до своей реабилитации. Обидно и больно говорить об этом. Произведения Микулича, написанные им в ссылке, уцелели. Более того, приезжали в Машуковку важные гости из Москвы, интересовались домиком писателя. Забрали все бумаги. А жена писателя, говорят, вскорости выехала к родителям в Игарку.

Время поставило все на свои места, вернуло нам некогда запрещенного Микулича. В белорусском издательстве "Мастацкая літаратура" недавно вышел сборник его

повестей. Прислало издательство такой сборник и в Машуковский леспромхоз. На память. В третьем номере журнала "Неман" за 1987 год была опубликована первая часть "Повести для себя". Готовятся к печати и остальные произведения писателя, ставшего теперь классиком белорусской литературы.

...Не уцелел домик на улице Набережной, в котором провел последние годы жизни Борис Михайлович Микулич, но зато остался дом, в котором он работал. И надо, наверное, сделать так, чтобы, проходя мимо, люди вспоминали о человеке необыкновенном, о человеке, жившем по законам добра и справедливости.

Л. ЛОМАЕВА

корреспондент газеты "Ангарский рабочий".

п. Мотыгино.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. Так случилось, что в эти же дни пришло письмо и из Белоруссии, от учителя Карповичской школы Гродненской области, краеведа Юрия Владимировича Комягина. Он первым на страницах "Красноярского рабочего" рассказал о судьбе писателя в статье "Возвращение Микулича" (30.09.87). И вот наш автор делится радостью: увидела, наконец, свет "Повесть для себя" Бориса Микулича. В журнале "Неман" (№ 12, 1988) опубликованы ее заключительные части. Земляк писателя пишет: "Эта повесть - для всех". Судьба дала писателю небольшую передышку от тюрем, ссылок, лагерей. Он постарался использовать ее максимально, пока вторая, уже бериевская волна не настигла выжившего узника ГУЛАГа. Он и в ссылке работал. Но как много не успел. В "Повести для себя" Микулич пишет: "Образы ненаписанных книг теснятся вокруг меня, снятся мне, со мною рядом ходит красивая моя мечта, которая поддерживала меня и в ветреной новосибирской степи, и в морозы Красноярска, и в грязи этапов, и в угольной пыли "пятьсот восьмого"... Я хочу, чтобы "конспект" повести был для всех, чтобы они любили и ценили жизнь и чтоб не расставались с мечтой..." Вот такое завещание оставил он нам.

В ответ на мою публикацию на страницах вашей газеты я получил письмо из Красноярского края от сотрудника производственного объединения "Красноярсклес" Л.М.Корчевского, который рассказал о последнем периоде жизни писателя в Машуковке. Л.М.Корчевский работал там мастером лесозаготовок. "Однажды летом, - вспоминает он, - я приехал из леса, было очень жарко, он был один, сели мы в тени за диспетчерской. Я сильно болел тогда, он мне говорит: "Сделай ты операцию". Задрал майку и говорит, что вот мучился с желудком, а вырезали, и стало гораздо лучше. Но окружающие редко видели на его лице страдания, причиняемые полученной еще в лагерях болезнью. Самодеятельные артисты под его руководством готовили представления, пьесы писал сам Микулич".

Помнит Корчевский и прощание с писателем: "на машуковском кладбище народу было много".

...Тихо на сельском кладбище, сиротливо стоят кресты времен репрессий. Но, наверное, большего достойны эти люди и писатель Борис Микулич, книгами которого машуковцы гордятся.

"Красноярский рабочий", 02.02.89г.

Памяти Б.М. Микулича

Только время возносит порой на престол,
И судьба в этом тоже повинна.
Он склонился без сил на диспетчерский стол...
В сердце – боль! Паралич. Смерть. Чужбина.
Он родился в Бобруйске и лиха хлебнул:
Без родителей рано остался.
Но Микулич с пути добрых дел не свернул,
Жить, сполна быть полезным пытался.
Лет в пятнадцать его напечатан рассказ,

И другие на свет появились.
Труд писательский, вместо ребячьих проказ,
Открывал он, и люди дивились.
«Наше солнце», «Окраина», «Дружба» - итог,
Эти повести в книгах. Читайте!
Но летит над Россией безжалостный рок!
Вы о светлой судьбе не мечтайте.
Осень тридцать шестого... Был ложный донос...
Обвинение вместе с арестом.
Почти год продолжался жестокий допрос,
И тюрьма была жизненным местом.
- Ты – троцкист! Ты – вредитель!
Ты польский шпион!
Жалко – молодость канет бесследно!!!
Сколько дум передумал в отчаянье он,
Как хотел улыбнуться победно!
На суде обещают уменьшить весь срок,
Вполовину: - Винись! Нам поможешь!
Знал Борис: наговоры – греховный порок,
Как же жить после этого сможешь?
Отказался он с совестью быть не в ладу,
Приговор – десять лет! Без свободы...
И пошли испытания, словно в аду,
И немислимы трудностей своды...
Но все выдержал! Снова вернулся домой,
Ощувив прелесть, свежей сорочки.
Он, обученный сложностью жизни самой,
Нес читателям книжные строчки.
И нисколько о прошлом своем не скорбя,
Торопился писать не натужно:

Появляется «Повесть (и пусть!) для себя»,
Но и людям прочесть ее нужно!
Весь в мечтах, весь в заботах, не гаснет полет,
Помнит: время ведь так быстротечно...
Словно выстрел, который разрушил все влет:
- Арестованы! Ссылка навечно!
Как простором богат Красноярский наш край!
Сколько пролито крови и пота...
Машуковка. Сибирь. Леспромхозовский «рай».
И работа, работа, работа...
Только время возносит порой на «престол»,
И судьба в этом тоже повинна.
Он склонился без сил на диспетчерский стол...
В сердце – боль! Паралич. Смерть. Чужбина.

26.05.2007г.

Николай Вершинин
п. Белый Яр Томской области

На Машуковском погосте.

Там, где бьётся Тасеева в иле,
Машуковский погост виден всем.
Скромный памятник на могиле,
Даты, надпись: «Микулич Б.М.»
Из Бобруйска в таежные дали,
Неожиданно это к тому ж,
Не приехал, а силой сослали
Представителя пишущих душ.
Одинокая пристань – могила,

Место нам о безвинном тужить.
Ведь три месяца лишь не хватило
До заветной свободы дожить.
Государство «грехи» отпустило,
За страданья теперь не держись...
Незаслуженный промах простило,
А цена всему этому – жизнь!
Девяносто пять лет от рожденья
И до дней наших. Вот – юбилей!
Наступила пора пробужденья,
Мы на прошлое смотрим смелей.
Постоим, помолчим, вспоминая
Белоруса. Его ль в том вина:
Жизнь – дорога могла быть иная,
Но такой вот сложилась она!

26.05.2007г.

Николай Вершинин

п. Белый Яр Томской области.

От имени Б. Микулича

Я так жалел, что нет сапог,
Той обуви универсальной.
Сибирский Север очень строг
К истории своей скандальной.
Хоть назывался чудачком,
Что не мечтал: «Вот денег мне бы...»
Был лишь со скромностью знаком,
И вымогателем я не был.

Сообщество тех лагерей,
Как ты губительно для многих!
Заборы, тяжкий стук дверей,
Хранилище законов строгих.
Отсюда бедным уйду,
Как и пришел, но щедр душою.
И злобы в сердце не держу,
Иду дорогою большою.
И отражаю каждый миг
Дней беспокойных и отважных
В страницах нерожденных книг
И в рукописях всех бумажных...

26.05.2007г.

*Николай Вершинин
п. Белый Яр томской области.*

И я не знал...

Памяти Б.М. Микулича.

Проблемна память в нашем веке,
Мир свое прошлое забыл.
И я не знал о человеке,
Когда здесь, в Машуковке, был.
Учил историю с любовью,
Не зная то, что рядом есть
Писателя могила. Кровью
И болью защитил он честь.
Не побывал я на погосте,
Об этом и не вспоминал.

О человеческом том росте –
Величии – совсем не знал.
Он – Личность! Образец достойный
Для нас, потомков всех, пример.
Но книг его поток нестройный
Не нужен был СССР.
Россия новые страницы
Читает, помня и скорбя.
Воспоминаний вереницы
История сулит, любя,
И прошлое обожествляет.
Предугадать весь миг берусь!
Родного сына прославляет
И Белоруссия и Русь!

26.05.2007г.

Николай Вершинин
п. Белый Яр Томской области

Микулич М.М. Воспоминания о брате

Брат был долгожданным и любимым сыном – три старшие у нас сестры. Я отца не знаю совсем. Мне было три месяца, когда он умер. И по рассказам старших сестер я знаю, что детей он не баловал. Дети должны были быть сыты, одеты в добротную одежду (внешний вид огромного значения не имел). Для брата же было все – и красивые костюмчики, и хорошие игрушки, и книжки. Очень хорошенький и ласковый, он был общим любимцем и баловнем. Я моложе брата на шесть с половиной лет и в детстве помню его больше в связи с отношением ко мне. Многие мои отрывочные и смутные воспоминания дополняются более поздними рассказами старших сестер.

Знаю, что в младших классах, в 1-м и 2-м, он учился слабо. Мы все учились математике у одной учительницы (между мной и самой старшей сестрой 14 лет) и она (учительница) мне говорила, что с математикой дела у него были неважны. В старших классах он очень хорошо учился, но математика все-таки была для него трудна. Помню, когда я была уже в 8-м классе, он как-то сказал, показывая кому-то мою контрольную по алгебре, где стояло «отлично»: «Этого у меня никогда не было».

*Отец -
Михаил
Викентьевич
Микулич*

Мне было четыре года, когда мы переехали из каменного больничного дома в свой дом на Минской улице и там я его уже больше помню. Отца уже не было. Старшие все учились. Одна в Москве в музыкальном училище, а трое в Бобруйске в школе, я была маленькая. Мама должна было много работать, чтобы воспитывать всех нас. Она была фельдшерица – акушерка. В 1900 году кончала фельдшерско-акушерскую школу. Тридцатью годами раньше эту же школу кончала ее мать, наша бабушка. Итак, матери приходилось много работать. В это время она была уже больна. Дому, детям она не могла уделять много внимания. В доме хозяйничала на моей памяти няня Карловна, а позже племянница отца Вера Антоновна Микулич, уроженка, как и отец, д. Тереховичи Логойского района. Она была много старше всех нас и всего на восемь лет моложе нашей матери. В детстве брат и я звали ее тетей. Надо мной еще надзор был строгий, а старшие были, в основном, предоставлены сами себе.

Лет в 10-11 Борис вдруг увлекся церковною службой. Недалеко от нас на углу Минской и Социалистической улиц была маленькая церковь (она так называлась – Маленькая или гимназическая). В этой церкви он прислуживал. Был там общим любимцем и у священников и у прихожан. Старики говорили, что хорошенький, белокурый, кудрявенький, он очень подходил к церковной обстановке. Думаю, что его увлекала, именно театральность церковной службы. Отец наш был религиозный человек, может не больше, чем большинство его знакомых, но все-таки в церковь ходил и детей водил. Но он умер, когда Борису было около семи лет. Мама же в церковь и до революции не ходила. Третье поколение медиков в своей семье (ее

дед, наш прадед был полковым лекарем), она в бога не верила. Выполняла только церковные обряды, обязательные в дореволюционной России. Поэтому, мне кажется, в его церковных увлечениях вряд ли была религиозность, он просто играл в церковь. Это я уже хорошо помню. У нас было большое нарядное крыльцо, маленькая веранда, вот оно и представляло собой церковь. До самого пожара в 1944 году на этом крыльце были видны кресты, нарисованные в то время. Вторым помещением церкви был большой погреб, который был у нас во дворе, вернее, его наземная часть. В дверях этого погреба появлялся Борис с платком на спине, завязанным впереди на шее двумя концами, впереди полотенце – все это изображало священническое облачение. В руках лампадка на длинных цепочках (кадило), в ней горячие угли и какая-то трава.

*Мать -
Мария
Антоновна
Микулич*

Мама сдавала сад в аренду. Днем его сторожили две девочки, ровесницы Бориса. Вот они и были молящимися. Они становились на колени, а он размахивал над их головами лампадкой – «кадилом». Я помню эту картину со стороны, значит, в число «молящихся» я, почему-то, не принималась. Меня уже в церковь не водили и молитвам не учили. Возможно, мама запретила ему дурить мне голову. Помню, но очень смутно, он в столовой учил меня

креститься, а мама подошла и увела меня. Возможно, и сказала ему что-нибудь, но я не помню. Так или иначе, но я была только зрителем этой игры. Дома эта игра была предметом шуток, а Бориса называли миссионером. Девочки были еврейки, ужасались этой затее, не соглашались молиться, а Борис заставлял их. Летний день долог, девочкам в саду скучно, и, в конце концов, они сдавались, а потом и сами увлекались игрой. И вдруг, именно вдруг, Борис записался в пионеры, и все увлечение церковью кончилось. Старшие сестры рассказывали, что все именно совершилось вдруг. Вдруг Борис стал воинствующим безбожником. В столовой, в углу, на месте иконы, был повешен портрет Ленина. И случалось так, что мамыны клиентки, особенно деревенские, входя, крестились на этот портрет.

У брата была отдельная маленькая комната. Стены этой комнаты заклеились антирелигиозными плакатами и картинками. Помню, что мы с ним вырезали их из каких-то журналов. Еще помню в этой комнате портрет Фрунзе. В столовой висел портрет Толстого в рамке, наполовину закрашенной черной краской. Зимой устраивались домашние спектакли. Организовывались они на моей памяти Борисом. Старшие сестры уже в них не участвовали, а только помогали. Ставили «Сказку о рыбаке и рыбке». Все участники были мальчики, и меня очень смешило, что брат моей подружки Фани, Лева Гольдштейн надел юбку и платок. Помню какое-то представление с тенями на простыне. Помню вечер в день смерти Ленина. Это было или в 1925 или 1926 гг. В январе 1927 года я в Бобруйске уже не жила. Из программы того вечера помню, что пели «Замучен тяжелой неволей», Борис читал «Снежинки» Д. Бедного, а я «Пять ночей и дней» В. Инбер. У соседа и товарища Бориса тех лет был проекционный фонарь. Он сам его сделал. Помню и это «кино» в нашей гостиной. У другого товарища и соседа, Левы Германа был настоящий маленький киноаппарат и одна лента. И эту картину демонстрировали у всех соседей по очереди, в том числе и у нас. К сожалению, программ других спектаклей я не помню, так как все это происходило в мои дошкольные годы и раньше, пока мама еще была относительно крепка, т.е. держалась на ногах и работала. Воспоминания у меня об этих вечерах, больше «территориальные» - что в какой комнате происходило. Наверное, спектаклей было гораздо больше, но в памяти моей они не сохранились.

Помню, Борис собирал коллекцию птичьих яиц, минералов, денег. Он собирал гербарий и коллекцию насекомых.

Были вечера, когда, почему-то мы оставались с ним только вдвоем. Это было интересно и страшно. Мы вдвоем усаживались в большое плетеное кресло, и Борис рассказывал мне сказки. Я не помню этих сказок и не знаю, сочинял ли он их или пересказывал прочитанное, но все это было очень интересно и страшно. И когда он выходил в другую комнату или пересаживался на другой стул, я пищала от ужаса на весь дом. И тут Борис вдруг падал на пол и «умирал». Я знала, что он меня обманывает, но это был такой ужас! А потом он упрашивал меня не рассказывать

маме, и я не рассказывала. И очень обижалась, что когда все дома, он мне не рассказывает такие интересные вещи. В такие же вечера, когда никого не было дома, он играл со мной в школу, даже в угол меня ставил за неуспехи. И вот так, играя, научил меня читать и писать лет пяти.

В детской библиотеке в Бобруйске издавался рукописный журнал. Борис участвовал в нем с самого детства. Когда ему было девять лет, в журнале было помещено такое его стихотворение:

«Прекрасный синий василек
Сорвала девушка во ржи высокой,
Сказав: какой хорошенький цветок –
Он как ребенок синеокий!»

Правда, добродушно посмеиваясь, говорили, что тут не обошлось без кого-то из старших сестер.

Стихотворством у нас занимались все. Часто играли в четыре рифмы (буриме) и даже составляли после таких вечеров журналы. Каждый вписывал в журнал свое «произведение». Но это было тогда, когда сестры были молоденькими девушками, Борис подростком, я же очень маленькой, и плохо все это помню. Журналы эти долго хранились, и я их читала уже лет в 13-14-ть.

В школе он с группой товарищей издавал журнал «Крок». Несколько его экземпляров долгое время хранились у нас.

Сёстры - Тамара, Мария,
Евгения Микулич

Осенью 1926 года меня увезла из дома сестра Женя, которая в то время уже учительствовала в д. Язвин, Дубровского с/с, Паричского района. Мне пора было идти в школу, а мама доживала последние дни. С этих пор мы уже мало жили под одной крышей.

В конце 1926 года (или в самом начале 1927 г.?) была всесоюзная перепись населения. Сестра Женя, учительница, была занята по переписи и все зимние каникулы мы прожили в деревне. В Бобруйск приехали только на Рождество и только на два дня. Из Москвы

приехали сестры Катя и Тамара. В последний раз мы собрались около мамы, Борис был 14-летний мальчик, как все мальчики. Катал моих подружек Фаню и Аду на санках, много читал. Помню, мама жаловалась Жене, что он портит глаза. Борис был близорукий, а электрический свет был очень слабый. В это время у нас снова жила племянница отца из д. Тереховичи Вера Антоновна Микулич. Она вела домашнее хозяйство. А все хлопоты по врачам и аптекам лежали на Борисе. Всю осень и зиму 1926 года из всех детей он один был с мамой. И когда мы с Женей приехали, мама сказала Жене (при мне): «Вот! Моя опора и утешение. Теперь тебе воспитывать Муру (меня), а подрастет Борис, он будет ей опорой. Он мне это обещал». Может, не точно так, но в таком смысле. Я помню этот разговор, а суть его повторялась старшими много раз позже. Пока была его воля, он это свое обещание выполнял. Да и потом, до самой смерти, был моим, по возможности, советчиком и моей поддержкой.

Седьмого марта 1927 года умерла мама. Мы с Женей (сестрой, у которой я жила) приехали на похороны. В дверях дома нас встретил Борис. Большой! Именно это и запомнилось мне. Большой, вытянувшийся Борис! Да, на пороге кухни, во всю высоту двери, Борис, придерживаясь за верхнюю перекладину, говорит: «Только не плакать! Мама просила, чтобы не плакали!» С тех пор он и остался для меня взрослым, большим, старшим братом. А было тогда ему четырнадцать с половиной лет. Только в августе ему исполнилось 15-ть. Больше я его за время похорон не помню. Меня опекали какие-то чужие люди, а где были сестры и Борис – я не помню. Мы с Женей уехали в д. Язвин. На весенние школьные каникулы к нам приехал Борис. Это было в апреле 1927 года. Может, я ошибаюсь, но мне кажется, что в «Молодняке» потом был напечатан очерк или рассказ, я уже не помню, «По дорогам». Может, я и ошибаюсь, т.к. старшая сестра этого не помнит. Деревня Язвин в Паричском районе. В Паричи из Бобруйска надо было ехать паромом по Березине и мне помнится, что это произведение начинается с паромного гудка. Может, это было напечатано позже, вряд ли Борис в 14-ть лет мог печататься в «Молодняке».

Помню, я ему тогда что-то нагрубила, он ушел на гумно, сел там, на бревна и опустил голову. Я еще была мала и полностью не понимала, какая беда у меня стряслась, а он очень переживал смерть мамы и был очень раним. Женя велела мне идти просить прощения. Я ее очень слушалась (мама велела!) и пошла. Пришла, пробубнила: «Боринька, я больше не буду» и разревелась. Он обнял меня, усадил рядом и мы вместе плакали. Думаю, глядя на нас из окна, в доме плакала и сестра. Через некоторое время пришла хозяйка и увела нас ужинать на свою половину.

В 3-м классе я училась в Бобруйске. Борис в это время уже кончил девятилетку и работал в редакции газеты «Камуніст». Это было в зиму 1929-1930 гг. В этот год моим воспитателем был Борис. Он приносил мне книги из библиотеки. Помню, была книга без конца. Я была очень огорчена и все приставала к брату, какой же конец. Он не знал. И, когда я ему очень надоела, он сказал: «А ты сама напиши конец». Я села и написала, что – я, конечно, не помню. Но помню, что он меня похвалил. Потом он учил меня книги о путешествиях читать с картой. У наших соседей и друзей Гольдштейнов (Лева - ровесник Бориса, Фаня - моя подружка) на стене в столовой висела карта полушарий и старшие часто играли в разные географические игры. Поэтому, в то время я уже хорошо представляла, что такое географическая карта. Борис принес мне «У країне райскай птушкі». Я все привыкла спрашивать у брата. Я спросила, а где эта Новая Гвинея, он показал мне ее на карте. А потом мы с Борисом все книги о путешествиях читали с картой и эта привычка осталась у меня до сих пор.

В последующие годы я с братом встречалась редко. Но где бы я ни жила, он всегда присылал мне книги. Много писал мне и всегда руководил моим чтением. И я слушала его беспрекословно. «Боринька, что мне почитать?» - вечный мой вопрос к нему. И теперь мне кажется, что именно благодаря этому я до окончания школы успела больше многих моих сверстников познакомиться с лучшей нашей и иностранной литературой.

В 8-м и первом полугодии 9-го классах я училась в Минске, жила у Бориса. Я уже была большая и мы с братом становились все большими друзьями.

Борис любил стихи. Любил их читать вслух и часто читал мне. Кого из поэтов он больше любил, он мне не говорил. Но думаю, что читал он мне своих любимых поэтов. Читал он хорошо и так приучил меня к стихам. Поэтов я узнавала через него. Поэтому мне легко установить, каких поэтов он больше всего любил. Чаще всего он читал мне Блока, Маяковского и Багрицкого, реже – Брюсова, Пастернака, Тихонова, Сельвинского. Очень любил Лермонтова, Есенина.

В начале декабря 1946 года брат приехал в Ашхабад к сестре Кате. В Бобруйск ехать было неразумно. Дом фашисты при отступлении сожгли. Мы ютились по случайным комнатухам. Казалось бы, все правильно. Старшая, любящая сестра, ее дружелюбный муж, пятилетняя племянница. Материальная обеспеченность (сестра преподавала в музыкальном училище, пела в концертах, ее муж – кинорежиссер), культурное общество – все для того, чтобы отдохнуть, прийти в себя и начать работать. Но что-то не работалось. В Ашхабаде он почти ничего не написал. Не было главного – Белоруссии.

В апреле 1947 года он приехал в Бобруйск. Жили трудно, но как могли, так брата и приняли.

К тому времени мы с Логойскими родственниками уже разыскали друг друга. И вот, наш двоюродный брат Викентий Антонович Микулич и его жена Анна Андреевна пригласили брата погостить у них в д. Тереховичи.

Видимо, в мае 1947 года он к ним и поехал. Прожил там месяца четыре, до осени. А осенью 1948 года поехал к ним в отпуск. И за эти неполные полгода жизни на Логойщине он написал большую часть того, что дошло до нас из написанного им в 1947-1949 годах. Это повесть (частично) «Цяжкая гадзіна», повесть «Жыццяпіс Вінцеся Шастака», рассказ «Гадзюка ў кароне», «Зорка», повести «Зеленый луг», «Вецер на світанні», неоконченный роман «Адвечнае».

Мемориальная доска на
доме
в д. Тереховичи

Почему так случилось, что почти все свои лучшие вещи он написал на Логойщине? Видимо, тут причин много. В Тереховичах, в доброй и внимательной семье двоюродного брата Винцеся и его жены Анны Андреевны он нашел покой и понимание, заботу и

сочувствие и все хорошее, что могут дать человеку хорошие люди. Все родственники в Логойске, Тереховичах и Михалове старались делать все, чтобы ему было хорошо. До конца своих дней он оставался им благодарен за свою жизнь на Логойщине. И чудесная природа Логойщины – она была его вдохновением.

В «Повести для себя» (журнал «Неман» 1987 г. № 3) он писал: «Скирда сена привлекла меня, и я, лежа у нее в подножии, выкурил папиросу. Такое приобщение красоте природы было в ранней юности, когда уезжал я в Тереховичи к двоюродным братьям. Наиболее длительным было мое посещение в 1929 году, когда я прекрасное сочетал с полезным – ходил, слушал белорусскую речь, записывал народные песни, и в этом мне много помог мой двоюродный брат и друг – Антось. Я уходил в рожь и часами лежал среди шума насекомого царства, глядя в беспредельное синее небо (здесь – небо низкое и тяжелое, вот сегодня только оно похоже на наше, белорусское небо – небо юности), обдумывая несложные сюжеты моих рассказов...

...Там, в Тереховичах, возникла тема первого моего большого рассказа – «Цагельня».

Поэт Сергей Иванович Граховский, его друг и верный хранитель его памяти, в своем очерке «Так і застаўся маладым...» пишет: "...На лета асірацелы Барыс звычайна ездзіў да бацькавай радні ў Цераховічы на Лагойшчыне. Там разам з усімі гроб сена, збіраў зелле, вазіў снапы, ездзіў на начлег. Адтуль ішло веданне характараў, лёсаў, мовы герояў яго будучых кніг, з Лагойшчыны прыйшоў самы жывы і складаны вобраз Вінцеся Шостака ў адным з лепшых апавяданняў Мікуліча, ды і характары партызан вайны 1812 года з незаверўанага рамана "Адвечнае" падглядзеў Барыс Мікуліч у нашых весках".

Эти отрывки говорят сами за себя. Такую большую роль сыграла Логойщина в творчестве моего брата, писателя Бориса Микулича.

Он всегда любил Логойщину и считал ее второй своей родиной и, думаю, был бы благодарен вашему музею за честь. Большое спасибо и от меня.

Мария Микулич.

Таланта прерванный полёт

(Из опыта работы Бобруйской городской библиотеки № 4 по популяризации творчества белорусского писателя Бориса Михайловича Микулича и увековечивания памяти земляка в связи с 100-летием со дня его рождения)

Бобруйщина в 20-30-е годы XX века жила интересной литературной жизнью. Здесь издавался альманах “Уздым”, ежемесячно выходило литературное приложение к газете “Камуніст” – “Вясна”. Здесь началась творческая биография Михася Лынькова. Здесь жил и работал старейший белорусский поэт Янка Журба. В бобруйских изданиях появились первые произведения известных прозаиков и поэтов – Хвядоса Шинклера, Бориса Микулича, Василя Витки, Платона Головача, Алексея Зарицкого, Алеся Жаврука и многих других.

В эти же 20-30-е годы литературная жизнь заметно политизировалась, что привело в конце концов к трагедии. Арестовывали и расстреливали талантливых писателей и поэтов, высылали за пределы Беларуси. Кузьма Чорный в своих дневниках с горечью отмечал: “У Беларусі асталася сем пісьменнікаў беларускіх... Беларускай інтэлігенцыі бадай што ўжо няма... Колькі нашай інтэлігенцыі без дай прычыны гніе з турмах і на высылцы!... Я гіну і не магу выкарыстаць як бы трэба свой талент”. У Михася Чарота есть такие строки: ...Мяне заціснулі за краты,

Я прысягаю вам, сябры,
Мае палі,
Мае бары,
Паверце – я не вінаваты,
Кажу вам – я не вінаваты!

С таким же отчаянием и надрывом вопрошал наш земляк Борис Микулич : “За что? Сколько бы я мог сделать полезного на воле...”.

В своё время мне предложили поработать над чьим-нибудь именем в целях присвоения библиотеке. Весь наш коллектив сошелся во мнении, что библиотека должна носить имя белорусского писателя, уроженца нашего родного города. Имя

Бориса Микулича на наш взгляд подходит как нельзя лучше, тем более что и к нашей профессии он имел отношение, в свое время работал в старейшей библиотеке г. Бобруйска - ГБ им. А.С.Пушкина. Так случилось, что Борис Михайлович Микулич стал невинной жертвой политических репрессий, и его таланту не суждено было раскрыться до конца. И наш долг – увековечить имя Бориса Микулича в нашем городе, и пусть это будет не улица, а библиотека. Библиотека № 4 имени Бориса Микулича! Он это заслужил, как человек, как гражданин, как патриот. Незадолго до смерти в своем письме в Бобруйск к сестре Тамаре Борис писал из ссылки: «... Может быть, вам покажется странным, но вот скоро три года, как я живу здесь, а мысли, сравнения, примеры – все на родине. И, несмотря на то, что у меня приличная квартира, что я семейный человек, Верина каморка или та комната на комплощадке, по сей день кажутся уютными и заманчивыми. – Уж так, видимо, скроен человек: тоска по Родине сильнее смерти».

Бобруйская городская библиотека № 4 много лет (с 1993 года) работает в краеведческой направленности. Эта работа близка нашему коллективу. С 2004 года библиотека работает по программе «Край: мінулае і сучаснасць». Основной целью этой программы является формирование у подрастающего поколения чувства патриотизма, любви к своей Родине.

В целях воспитания у подрастающего поколения любви к родному краю, развития интереса учащихся к истории родного города в 1993 году был создан клуб «Искатель» и как результат этой работы с 1996 года в библиотеке открыты двери комнаты-музея «Бобруйская крепость». Экспонаты музея рассказывают о славной истории Бобруйской крепости – историко-архитектурного памятника г. Бобруйска.

С 2007 года мы целенаправленно работаем над сбором материалов о жизни и творчестве нашего земляка белорусского писателя Бориса Михайловича Микулича, умершего в ссылке на чужбине, для увековечивания его имени.

В ходе подготовки библиотекарями велась работа по пропаганде литературы о жизни и творчестве писателя:

- 2003 г. проведен библиографический обзор «Репрессированная литература».
- 2007 г. – беседа «Возвращение из небытия».

- 2008 г. – урок знаменитой личности «Память о них неизбывная».
- 2008 г. – урок гражданственности «Жертвы репрессий».
- 2008 г. составлен и издан биобиблиографический обзор “Сколько бы я мог сделать полезного...”
- В марте 2009 нами был создан мультимедийный слайд-фильм “Осужден за талант”.
- 2009 г. – краеведческое чтение «Осужден за талант» из цикла краеведческих чтений «Наши знаменитые земляки».
- 2009 г. - мультимедийная презентация «Осужден за талант».
- 2009 г. - вечер-воспоминание «Вечна малады пакутнік».
- 2010 г. Урок памяти “Не обмануть историю враньём”.
- 2012 г. Лит. портрет “Он остаётся молодым”.

О проделанной работе публиковались статьи в местной газете “Коммерческий курьер”: “Пути – дороги Б. Микулича” 8 октября 2008, № 41, “Кто знал Бориса Микулича...” 4 марта 2009 г., в которой звучало обращение , к жителям города о помощи в сборе материала о нашем земляке. Обращение возымело пользу: в этом году читателями нашей библиотеки были подарены книги семьи Микулич. В 2012 году в газете “Коммерческий курьер” от 28 марта была опубликована статья “Находка, ставшая сенсацией” и в газете “Бабруйскае жыцце” за 4 апреля – “Письма из сибирской ссылки” с последующим продолжением. Кроме местных газет, о событии, связанном с даром библиотеки семьи Микулич, была опубликована заметка “Сто книг - в дар библиотеке” в газете “Рэспубліка» за 13 апреля 2012 г. Все вырезки из газет и копии из книг, а также информация, полученная в Интернете, хранятся в папке-досье «Вернуты з нябыту. Барыс Міхайлавіч Мікуліч (1912-1954)».

За пять лет была проведена большая работа по сбору материала о жизни и творчестве Бориса Микулича. Известно, что он дважды в разные периоды своей жизни работал в библиотеке им. А.С. Пушкина (1927-28 гг.), (1947 -1949 гг.) в г. Бобруйске. Нам передали во временное пользование две книги Б.Микулича,

подаренные библиотеке имени А.С.Пушкина сестрой Бориса Марией Михайловной Микулич. Дарственные надписи датированы 1959 и 1960 годами.

Библиотека № 4 много лет тесно сотрудничает с городским краеведческим музеем, сотрудники и администрация которого, предоставили архив Бориса Микулича. Все документы: его личное дело, конспекты лекций и бесед, проводимых им в библиотеке им. А. С. Пушкина; письмо М.Лынькова; квитанции, телеграмма с сообщением о смерти вдовы Б. Микулича Марии Смеляковой его сестрам в Бобруйск; фотографии были отсканированы и хранятся в нашей библиотеке, как в электронном, так и в печатном вариантах.

Отдел ЗАГС администрации Ленинского района г. Бобруйска выслал нам копии записи актов о смерти матери Б. Микулича Марии Антоновны Микулич и сестры Марии Михайловны Микулич.

Ведется самостоятельная работа в Бобруйском государственном зональном архиве. Нами найден список сотрудников библиотеки им. А.С.Пушкина на 1 июля 1948 г., где в то время работал Б.М.Микулич, личное дело на его сестру Евгению Михайловну Микулич, учительницу 26-й школы. Документы были ксерокопированы.

В Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (БГАМЛИ) был предоставлен личный фонд белорусского писателя Бориса Михайловича Микулича, который состоит из рукописей некоторых произведений, рецензий на прочитанные книги, тетради с его переводами и стихами, с его сценариями к праздничным концертам, переписки с сестрами, друзьями (Т. Бондарчик, С. Граховским), а также писателями, например, М. Лыньковым, П. Бровкой, М.Танком, Я. Брылем и др. Среди писем – одно наиценнейшее – письмо жены М. Смеляковой к сестре писателя Марии Микулич о последнем дне жизни Бориса Михайловича Микулича. Для самостоятельной работы в архиве с этими документами были организованы командировки и частные поездки. Большая часть документов отсканирована и хранится на двух дисках. В этом году я была приглашена в БГАМЛИ с докладом о работе проекта «Таланта прерванный полёт» на конференцию - XII Узвышаўскіх чтений, посвящённых 100-летию со дня

рождения Б. Микулича. Меня очень тронуло выступление Л.С. Савик, исследователя и составителя книги Б.Микулича “Аповесць для сябе”, а также сына белорусского писателя Змитрака Бядули, который, единственный из всех присутствующих участников конференции, знал лично Бориса Микулича.

Ведется самостоятельная работа в Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ) по исследованию генеалогического древа рода Микуличей. В одной из метрических книг о рождении 1912 г. Никольский собор г. Бобруйска обнаружена запись за № 172 о рождении и крещении нашего земляка Бориса Микулича. В другой метрической книге за 1903 г. значится - при крещении Веры Захаровны Хоружей, уроженке г. Бобруйска восприемником является отец Бориса Михаил Викентьевич Микулич, фельдшер Бобруйской земской больницы.

Архив КГБ Республики Беларусь предоставил копии документов: анкеты арестованного, ордера на арест, протокола допроса, выписки из протокола, выписки из постановления Президиума Верховного совета БССР.

С начала 2008 года библиотека ведет переписку с учителем - краеведом Машуковской СОШ Красноярского края Михаилом Георгиевичем Захарцовым, который в сентябре 2007 года обращался в Бобруйский краеведческий музей за помощью. Он ведет огромную работу по увековечиванию памяти нашего земляка, похороненного в поселке Машуковка. Наша переписка очень плодотворна, мы обмениваемся друг с другом недостающими материалами, книгами, фотографиями. Благодаря этой переписке у нас в архиве имеются фотографии Б. Микулича, его родных из Логойщины, его могилы и открытия нового памятника, суровой, но красивой природы Красноярского края, копия «Воспоминаний о брате» М. Микулич, статьи из газет, издаваемых в Красноярском крае, стихи местного поэта о белорусском писателе. Весь материал собран на двух дисках. Недавно Михаил Георгиевич прислал в библиотеку буклет, разработанный им к 100-летию со дня рождения писателя. Мы, в свою очередь, поделились своими материалами. Хочется надеяться, что наше сотрудничество не ограничится только перепиской и обменом материалов, что будут и совместные встречи, как в Бобруйске на родине белорусского писателя, так и в далекой Сибири, где нашел свое последнее

пристанище Борис Микулич. Эти встречи (теоретически) могут пройти совсем скоро - на столетие со дня рождения нашего славного земляка. Во всяком случае, мы бы хотели видеть у себя в Бобруйске тех, кто не забывает нашего уважаемого земляка, ухаживает за его могилой, делает всё, для того, чтобы Борис Микулич навсегда остался в памяти жителей Красноярского края. Мы, бобруйчане, хотим выразить через газету большую благодарность всем жителям посёлка Машуковка и, особенно, Михаилу Георгиевичу Захарцову за память и подвижничество.

Еще живы люди, кто знал семью Б.Микулича, кто ухаживает за могилами его родных здесь в Бобруйске на Минском кладбище. Они также готовы нам помочь, передав копию редакционного заключения на сборник Б.Микулича «Избранные повести и рассказы», вырезки газетных статей, касающиеся жизни и творчества Бориса Микулича, и несколько адресов, один из которых принадлежит школьному музею в г. Логойске «Литературная Логойщина».

В нашем районе живут друзья семьи Микулич, Шинкоренко Е.М., которые недавно передали в библиотеку книги из личной библиотеки семьи Микулич. Они поделились своими воспоминаниями о жизни сестер Бориса Микулича, принесли фотографии, хранившиеся в их семейном архиве.

В гимназии № 1 работает музей «Бабруйшчына літаратурная». Фонды этого музея комплектовались благодаря сотрудничеству с редакцией местной газеты, музеями городов Минска и Бобруйска, откуда были получены газетные статьи о белорусских писателях, работавших в Бобруйске: М. Лынькове, С.Граховском, М.Аврамчике, в том числе и о Б. Микуличе. Большую помощь оказала сестра Бориса Микулича Мария Михайловна, передав музею статьи, книги, фотографии, открытки. Копии некоторых документов мы сделали для своей экспозиции.

При библиотеке работает клуб «Искатель», со школьниками ведется большая краеведческая, военно-патриотическая работа. Сотрудники смогли заинтересовать ребят трагической судьбой нашего знаменитого земляка, передать наше настроение и желание помогать в работе над присвоением имени белорусского писателя Бориса Микулича библиотеке № 4. Неоднократно посещались могилы родных Б. Микулича, была совершена экскурсия в музей «Бабруйшчына літаратурная»

Бобруйской гимназии № 1. Ребятами велось фотографирование интересующих объектов и экспозиций. Кроме того, члены клуба “Искатель” участвовали в конкурсе на лучшую исследовательскую работу, позже представленную ими же на краеведческой конференции среди кружковцев Детско-юношеского центра путешествий и краеведения “Бабраня” в рамках 2-го этапа акции “Жыву ў Беларусі і тым ганаруся”. Работа была посвящена жизни и творчеству Бориса Микулича и называлась “Осужден за талант”. Это же название и у мультимедийной презентации, с которой мы выступили. Работа клуба “Искатель” (в ДЮЦПК “Бабраня” проходит как кружок “Туристы-краеведы”), как самая лучшая, была отмечена Дипломом. В этом году члены клуба “Искатель” представили мультимедийную презентацию “Таланта прерванный полет”. В июле этого года мы запланировали поход на Логойщину для встречи с родственниками Б.М.Микулича по отцовской линии и посещения музея в г. Логойске и дома в д. Тереховичи, где творил свои лучшие произведения писатель.

С 2008 года в библиотеке работает экспозиция “Вечна малады пакутнік», по которой постоянно проводятся экскурсии. Она периодически пополняется, а особым украшением экспозиции стали книги из личной библиотеки семьи Микулич, доставшиеся нам в марте 2012 года.

Мы проводим большую массовую и просветительскую работу по пропаганде литературы о жизни и творчестве Бориса Микулича. С этой же целью занимаемся издательской деятельностью. К 100-летию юбилею мы издали брошюры “Письма из сибирской ссылки”, “Воспоминания о брате” М.Микулич, книжные закладки о книге Б.М.Микулича “Аповесць для сябе”

Собранный нами материал мы поместили в папку для рассмотрения вопроса о присвоении имени в Бобруйском горисполкоме.

Весь этот год мы работаем по проекту «Таланта прерванный полёт», посвящённый 100-летию юбилею со дня рождения Бориса Микулича, результатом которого должно стать знаменательное событие для нашего города – присвоение имени нашего земляка. Это событие может внести весомый вклад в ряд

не только городских мероприятий по Году книги, но и нашего государства. Именно 2012 год объявлен в нашей стране Годом книги.

Калюта Светлана Викторовна,
заведующая городской библиотекой № 4
УК “ЦБС г. Бобруйска”

Стихи Б.М. Микулича

Новогодний концерт 1954 г.

1. Вступление (хороводная)

Начнем - же друзья,
Наш концерт новогодний –
Пусть шутка подружится
с нами сегодня!
Пусть слово и песня
Звучат веселей!
Мы ждем как награды,
Вниманья друзей.

Кого мы заденем –
Тот пусть не осудит,
В грядущем году
Поскромнее пусть будет.
Мы только хотим,
чтоб веселье цвело, по ходу программы
вниманье росло.

Итак, начинаем
Концерт новогодний
Пусть счастье пылает
на лицах сегодня.
Пусть слово и песня
Звучат веселей,
Мы ждем как награды,
Вниманья друзей.

2. Концовка

Мы песню, как тост, поднимаем
За новый, за радостный год
Пусть песня гремит не смолкая,
Пусть славит советский народ.

Пусть славит его непреклонный,
Стремительный к миру поход
Пусть ширится наша колонна, -
На битву за счастье – вперед!

Мы новых успехов желаем
Товарищам нашим в труде,
Мы новых побед ожидаем,
Великих и доблестных дел.

Кто медлит – пора подтянутся,
Кто быстр – пусть шагает быстрее!
Теснее и крепче сомкнутся!
Приветствуем наших друзей!

Поселок лесорубов

Лесоруб пришел

Есть красноярская тайга:
Мошка да топь да сухостой,
На сотни километров – гарь
И ей конца искать не стоит.

Без сучьев, как без рук стоят
Прямые, словно струны, сосны
Как будто падать водопад
Не вверх, а вверх решил, несносный.

А там вверху, у облаков,
Зеленое бушует море,
Лишь не хватает облаков,
Чтобы гуляли на просторе.

Лишь ворон в хвойную волну
Нырять по – деловому любит
Да ночью бледную луну
волна заманивает в глубь.

В таежной этой глубине
Луч света робок, точно нищий,
И на древесной желтизне
Его лишь дятел черный ищет.

И длинноусый короед,
Ощупав усом луч порою,
Охотно променяет свет
На лабиринты под корою.

И дичь, и топь, как поглядишь,
Лишь странный шорох ловят уши...
И вот однажды ту же тишь

топор канадский вдруг нарушил.

Упала первая сосна.
И долго в воздухе нагретом
Гудела будто бы струна,
Басовая струна при этом.

И по сравнению с сосной
Был мал, для глаза непривычен,
Пигмей с двуручною пилой
В лаптях веревочных обычных.

Он поплевал в ладонь слегка,
Чтобы пилить сподручней было...
И красноярская тайга
Перед ним, всеильным, отступила.

4.4.46

Стихи Маше.

Машуковка, 50 г.

Ты наяву не приходила...
Душа пылала на огне!..
Лишь в сновидениях дарила,
Как милостыню, ласку мне.

Покоя нет. А дни за днями
Текут, и не уйти от снов.
Тасей, быть может, сдавит льдами

Мою тоску, мою любовь!..

7.5.50

Где ты, счастье мое, где ты девочка милая?

Вспоминаешь ли обо мне?

На заре я сорвал тонконогую лилию

И пустил ее по волне.

Завертелась она, замелькала, уплыла...

Но исчезнуть... исчезнуть она не должна.

Мною вложена в лилию тайная сила,

Этой силе подвластна волна.

Говорят, даже смерти сильнее та сила,

Ей людской наговор – ерунда...

Талисман мой, куда бы его не сносило,

Прямо в руки к любимой доставит вода.

26.6.50

Если я не увижу сегодня тебя,

То и это, наверно снесу.

Горевать любя, и любить скорбя –

В этом, видимо, жизнь суть...

7.7.50

Пусть говорят, что если люди

Обрушились на нас с тобой,

То и господь карать нас будет

До самой щели гробовой.

Я смутно представляю бога,
С людьми не прекращаю бой...

Дай руку, обопрись. Дорога
У нас тяжелая с тобой.

Здесь будут кручи, туч толченье
Болота, бездна... Не беда!
Взгляни в глаза мне. И в мгновенье
Пароль безмолвный: - Веришь? – Да!

И если сердце в сердце бьется,
Рука - в руке, глаза – в глаза,
Нам счастье, друг мой, улыбнется,
Хоть ветер рвет и бьет гроза.

28.9.50

Шестое ноября

Ты посмотрела в окно и в зрачках замелькали снежинки.
Это – пустяк, улыбнешься – и тотчас пройдет.
Горше, когда потускнеют глаза и на сердце появятся льдинки
Вот уж тогда чем растопить этот лед?

Часто тебя называю то дочкой, то деткой,
Ты пристанешь: почему, почему, почему?
Можно добавить: ты – сказка, ты – зорька, ты ветка...
Только вот с гибкой веткой не вяжется – муж!

Муж ли тебе я, родная моя хохотунья?

Может быть, алчущий ласки влюбленный по уши малыш? ...

Все заботы улетели

И, свернувшись словно кот,

Ты уснула на постели,

Приоткрыв свой милый рот.

Осторожно я ушел,

Дверь не скрипнула при этом...

Наконец – то я нашел

То, что бредилось поэтам!

Осеняет пусть твой лоб

Сновиденье легче смеха.

Я унес твоё тепло,

С ним и хиус не помеха.

Спи курносый мой зверек

Набирайся сил и ласки!

Я вернусь в наш уголок,

В тот, что лучше лучшей сказки...

11.11.50

Письма Б.М. Микулича

1.1.50

Дорогая Тамара и уважаемый Конст. Павлович!

Очень рад был получить Тамарино письмо от 12 декабря, - оно пришло как раз 31-го, а ещё подоспело в этот день посылка и Верино письмо, так что у меня праздник был настоящий. Спасибо за сердечное участие. Да, Тамарка, ты права – и натерпелся, и намерзся. Удивляюсь сам, как перенёс. Только второй день, как сдали морозы, а до сих пор держались - 45 - 52 градуса. Есть радиограмма, что в январе опять будут такие же. Но теперь у меня на ногах катанки, и на голове - тёплая ушанка, вот только брюк ватных ещё не приобрёл, жаль 100 рублей. Работаю, как уже писал, в паршивой конторе далёкого лесопункта, посёлок наш – хуже любой деревушки, света нет, только вчера открыли клуб. Книг нет совсем, радио тоже, почту получаем 3-4 раза в месяц, от нас до района 105 км. Интересных людей маловато, в общежитии – люди разные, - похоже всё это на лагерь, честное слово. Иногда думается, что и 2 ½ лет передышки не было. Получаю я 360 рублей. Думаю, что зиму просижу в конторе, а там будет видно. Вот так - то, дорогие мои. Грустно мне, страшно. Но, что поделаешь! Пишите мне чаще.

Пальто мне нужно, на это у меня сил не хватит, одни брючишки нужны. А больше просить ни о чём не смею – честное слово, совестно, что я сижу у вас на шее столько лет.

Желаю Вам, друзья, жизни дружной и счастливой. Рад за Вас.

Привет сёстрам. Пусть они мне тоже пишут. Я послал Вам писем пять, неужели получили только одно?

Привет знакомым, если таковые интересуются мною.

Обнимаю Вас - Борис.

Дорогие Тамара и К.П.!

Много раз я спрашивал о том, как Вы живёте. Ждал писем от Вас, но, видно, переписка со мной отдана «на откуп» Вере и Мурке... как я живу – вы знаете из моих писем. А вот, как Вы живёте – я совершенно не знаю.

Тамара! Если у вас сохранились какие-нибудь книги, то прошу хоть парочку выслать. В первую очередь меня интересует классика (и если есть «Анна Каренина») Здесь совершенно негде достать книг, а надвигается длинная зима с большими вечерами. Нужны романы!

А главное – пишите мне иногда.

Желаю вам счастья и здоровья –

Борис

12.IX. 51.

Красноярский край, Тасеевский район, п/о Машуковка, Микуличу Б.М.

Дорогая Тамара и уважаемый Конст. Павлович!

Спасибо за письмо. Книгу мы получили ещё раньше. Маша уже почти проглотила «Анну», я тоже помаленьку перечитываю, - люблю Толстого.

Яблоки, присланные в посылке, пришли без пятнышка, но замёрзли. Ничего не поделаешь: сегодня, например, у нас -45 градусов. Но и в таком виде – это большой деликатес.

Где и как мы работаем - вы знаете, а вот о Вас я почти ничего не знаю толком. Конечно, Жене нужно прекратить «батрачить». И устаёт она, и живёте Вы далеко друг от друга. Не знаю, как у Вас, а у меня с годами (да только ли с годами) неодолимая тяга к родным - и людям, и местам... Поэтому, когда получаешь весточку из дому, так чувствуешь себя целый день в приподнятом настроении.

Женя, конечно, в восторге от всего игрушечного богатства. С трудом я втолковал, что это – для ёлки и припрятал. Он у нас отличный парень, немного болтун и шалун, но смыслённый и крепыш. Жаль, что живёт он в этом не то селе, не то посёлке. Мало пищи для детской любознательности.

Ну, вот пока и всё. Надеюсь, что Вы информированы о моей жизни из писем к сёстрам. Я пишу их всегда с расчётом на всех. Но всегда с удовольствием отзываюсь на каждое письмо.

О книгах, Тамарка, что написать? Романы нужны. Любые. Только не тратьте на это деньги, а так, что попадётся. Где-то там ещё «Фауст» и «Дон-Жуан», если отыщатся. Меня на классику тянет.

А вообще, как выглядит Бобруйск? Привет знакомым. И, конечно, Ане Буслейко. Я ей передавал привет через Муру в своё время, а писать тогда что-то помешало.

Целую Вас и желаю счастливого Нового года!

Борис

27.XII.51 г.

Октябрьская улица, а № дома?!

Дорогая Тамара и уважаемый Конст. Павлович!

Получение любого письма всегда для меня является праздником, тем более письма от редко пишущих родных... Спасибо большое за помощь.

Может быть, Вам покажется странным, но вот скоро 3 года, как я живу здесь, а мысли, сравнения, примеры – все на родине. И, несмотря на то, что у меня приличная квартира, что я – семейный человек, Верина каморка или та комната на комплощадке по сей день кажутся уютными и заманчивыми. Уж так, видно устроен человек: тоска по Родине сильнее смерти.

У нас теперь яркие, солнечные дни и температура бывает – 18 градусов, но ночью держатся морозы, достигающие 45. Морозы и отсутствие пурги – это значит, хорошая ...

Я собирался было ехать после отчёта в район к хирургу, но произошло непредвиденное: вот уже 8 дней болеет Маша. Был, очевидно, грипп, она продолжала работать (работает она на воздухе). Теперь температура колеблется от 37, 1 до 37, 8. Сульфадин, стрептоцид и аспирин не сбили эту температуру. Наша врачиха говорит, что на слух лёгкие как будто ничего, но нужно проверить на

рентгене. Ближайший же рентген находится в Канске, 250 км. Вот я и решил её отправить, а сам как-нибудь протяну ещё. Меня и врача пугает худоба Маши, которая

усугубляется отсутствием аппетита и желания есть хотя бы через силу. Очень это все меня огорчает. И я решил – она должна ехать.

Женька хорошо себя чувствует, болтает, растёт.

Хозяйство кое-как идёт. Бычка решили держать до осени, чтоб было мясо. Ну, а куры несутся раз в три-четыре дня и то только две. Нет для них никакого зерна.

Да. Твоё замечание о брюках вызвало целое пламя: Маша

решила, что я пожаловался Вере. Так спешу уверить, что брюки у меня есть (даже те серые, домашние, ещё живут). Вера знает, что ношу я вещи долго и аккуратно.

Устаю я только. Мой рабочий день начинается в $\frac{1}{2}$ 6 ч. И кончается зачастую в 7 вечера. Диспетчерская моя представляет проходную хавиру, где накурено, наплёвано, где температура колеблется от 0 до 30. Только дома 2-3 часа я чувствую себя прилично.

Ну, что ещё?

Целую Мурку и Женю.

Привет друзьям и знакомым.

Вере на днях я написал большое письмо. Обнимаю и целую её тоже. Пишите мне иногда, как Вы живёте – все.

Борис

7.Ш. 52 г.

Родные мои!

Вчера одновременно получил два Ваших письма – Верино и Мурино. У нас оттепель, развезло дороги и поэтому почты не бывает по десять четырнадцать дней. Приход писем вчера немного развеселил меня после крупной размолвки с Машей. Дело в том, что она уехала за реку копать картофель, не предупредив ни меня, ни

*Б. М. Микулич с женой
Марией Смеляковой и
приёмным сыном Женей
(1953 г.).*

квартиранта, а вечером устроила сцену. Прошу обо всём этом не писать (она быстро отходит и ей потом стыдно), но я должен Вам кое-что сообщить для сведения. – В.А. покинула нас... внезапно собралась, сманивала Машу, но та пока устояла. Вчера получено от неё письмо, в котором она опять теребит Машу, чтоб она ехала. Должен Вам сообщить, что в течение года, пока жила у нас В.А., я уходил без завтрака и даже без стакана горячего чая. Зная, что я не все могу есть, она готовила только то, что может есть здоровая часть населения нашего дома (включая и квартиранта). Настраивала Женюрку против меня, растлевая его сознание тем, что я не его отец. Пилила Машу, что она связалась с больным, который ничего не умеет делать, с её лёгкой руки в доме по отношению ко мне замелькали такие словечки, как «ламачье», «паразит» и т.д. Всё это ясно вызывало и с моей стороны определённую реакцию, нервы не выдерживали, а такая обстановка свела на нет моё лечение. Сенокосная страда доканала меня. И добро было бы, если бы всё это имело смысл, если бы в доме было «изобилие». Лично я всегда ходил без копейки денег, сведя свои расходы только на махорку и отказывая себе в нескольких рублях на единственное, от чего меня не рвёт, на сладости. В последнее время, когда мы с ней поссорились на почве подбивания Маши оставить меня, она даже перестала стирать моё бельё. И вот она уехала. Без неё мы докапываем картофель (её в два раза больше, чем в прошлом году). Я много вожусь по дому, но, честно говоря, нервы уже значительно спокойнее. Правда, Маше тяжело. Ведь она всё-таки её мать. И потом: какую-то часть дня Женю приходится отводить к соседям. На этом основании Маша пылит. Вплотную столкнувшись с хозяйством, я увидел, что хозяйничанье В.А. довело дом до крайности: я лично остался почти без белья, без постельного белья, всё загажено, изорвано, изломано. Из всяких дыр я вытаскиваю грязное тряпье и удивляюсь: всё бывшие мои вещи. Две недели она отсутствует, а в доме лично мне стало легче дышать. Правда, Маше это не очень нравится: ведь теперь нет-нет, а нужно и о мальчике позаботиться, и сварить поесть, и подоить корову. Честно говоря, я не совсем уверен в том, что Маша всё это выдержит. Мать никак не хотела понимать (и пыталась вбить это в сознание Маши, что ей частично удалось), что я не могу физически работать так, как здоровые люди. В пику мне она

«выделяла» квартиранта, ухаживала за ним и создала обстановку, при которой уже не моё, а его слово становилось решающим в домашних делах. Он приносил вино, они бражничали, а я ломал голову, что бы съесть и как выкроить 6 рублей на пару носков, т.к. ворох носков (грязные и нештопанные) покоится и по сей день в чулане. Уехала, слава богу, и в каждом письме сманивает Машу. Вот, дорогая Вера, ответ на твои замечания, чтоб я берёг здоровье. У меня странное явление, стоит мне понервничать и у меня начинаются рвоты.

Обо всех этих вещах я прошу ничего не писать, т.к. Маша очень боится огласки и просила еще утром сегодня «ничего такого не писать». Она очень хороший, хоть и неуравновешенный человек. Беда в том, что я её очень люблю. Если б не это, плюнул бы на всё. Но, кажется, на ближайшее время «страхи» оставят наш дом: ещё денёк погоды и «добъём» картофель. Часть её можно будет даже продать. Месяц будем мелкой картофелью кормить быка и заколем, значит – будет и мясо. Маша с сыном обеспечены – они «мясоеды» и «овощееды». Есть всё, только лук не уродил и пропал. Хуже, что совершенно нет крупы. Это уже хуже для меня. Я достаю только манку и муку. Сегодня удачно выменяли 10 помидор (их у нас очень много) на 2 стакана гречневой. В этом году мы даже немного грибов высушили, хотя делала это В.А. и достаточно неумело. – Теперь прошу выполнить Машино поручение. Она на днях получит отпускные и хочет их прислать Вере с одной целью. Можно ли достать в Бобруйске пуховую шаль и сколько для этого нужно денег. А у меня (по секрету от Маши) другая просьба: мне к 7 ноября (день рождения Маши) нужны серёжки. Она очень любит всякую эту ерунду. Если за руб. 25-30 можно достать серёжки, купите. Небольшие. В форме бусинки или капли. Она – блондинка. Поэтому ярко-зелёные не годятся. Лично я могу попросить только пачку соды, кило сушёных грибов и ½ кило... халвы. Умираю и вижу во сне!

Мура! Ваша контора - богатая? Там нельзя «стибрить» пару папок, листа 3-4 копирки, бумаги, перьев, цветных карандашей? А насчёт Шверника – это что? Я знаю «сумную» историю. Одного моего приятеля пригласили в 37 г. в «дом отдыха», где он пробыл 3-4 м-ца. При «излечении» «утеряли» паспорт и ему пришлось получить новый по справке. Как-то в 39 он поехал с этим паспортом в

Москву и там ему вежливо сказали, что вообще мы вас пропишем, но вот тут, в графе «на основании чего выдан настоящий вид», несимпатичная пометка. Приятель – на дыбы. Стал жаловаться. Дескать, диагноз был неверный, курс лечения в доме отдыха прервали,- почему же он страдает? Жаловался до тех пор, пока его снова – в дом, а оттуда – в санаторий, а из санатория – на курорт, к нам... Так что Мура, всё нужно обдумать. Вот и всё. Вы и так устанете от этого письма. А мне что? Теперь 4 часа, а последние машины придут только в 7! Целую Женю и Тамару. Верин перечень стоимости продуктов меня очень интересует. И про зверинец тоже. Единственное, чему я порадовался, что груши стоят 4 рубля. Зато в зверинце вы не увидите сибирского бурундука и мошки...

Пишите мне!!! Привет друзьям.

Обнимаем Вас – Борис

P.S. Прошу и впредь в обращении к нам писать и В.А., чтоб Маша ни о чём не думала...

25.12.52.

Среди собранных нами материалов есть письма, которые Б. М. Микулич писал из Машуковки в Белоруссию своему другу – известной белорусской актрисе Татьяне Бондарчик. Татьяна Андреевна Бондарчик (1902-1974), актриса Витебского, затем Бобруйского театров. В 30-е гг. вместе с Б.Микуличем работала в Белгосиздате. Татьяна Бондарчик - одна из немногих друзей, не побоявшаяся переписываться с «врагом народа».

*Т.А. Бондарчик,
белорусская
актриса*

Таня!

Сначала я получил бандероль, обрадовался и, грешный человек, подумал, что этим и ограничится наша переписка. Но вслед мне вручили письмо из Лепеля. Огромная благодарность за большое сердце. Ты - в числе друзей, которые не забыли меня. И хотя я – гражданин, член профсоюза, сов. служащий, но очень многие не пришли в себя от шока, постигшего их в апреле прошлого года,

когда меня снова увезли в – мне уже знакомый – Красноярский край. Пережито было много, и об этом, пожалуй, лучше не вспоминать. Достаточно сказать, что привезли меня сюда амаль мерцвяком, фізічным і маральным. Глядеть на окружающий мир мне было нестерпимо, физически больно. И я чуть было не «отдал концы», ежели б не родные, да несколько друзей, да одна добрая семья здесь. До чего живуч человек! Я выдюжил. Работаю я счетоводом в леспромхозе, до последнего времени заработал только 400 рублей, первый месяц – 500. Было очень трудно, тем более, что никакого быта: в 45 градусов мороза я прибыл как наполеоновский солдат, в ашхабадском демисезонном пальто, кепке и туфельках. Барак, а если и комната, то общая, нерегулярная «шамовка». Признацца шчыра: стаміўся ад гэтага лагерна-казарменнага быту. У таго, у каго сям'я, магчыма, ўсё лягчэй, - я маю на ўвазе маральны бок з'явы. Але мяне падтрымлівалі сёстры і два-тры таварышы. Перамог. Перамог ўслед за гэтым поўную апатыю да кнігі, да мастацтва навогул.

Живём мы в глуши, на берегу огромного притока Ангары - на реке Тасей, в 120 км от районного центра и в 250 км от железной дороги. Тайга, тайга! Сурово и грубо всё, но можно было бы жить, если бы не мириады мельчайшей мошки, которая заедает всё живое. Люди ходят в накомарниках, мажутся дёгтем... она лезет в уши, грызёт кожу, слепит глаза. Я не работаю на физической работе, но если вдруг сорвусь, придётся круто: кроме лесозаготовок здесь некуда идти, а смысл майго грамадзянскага стану якраз і заключаецца ў тым, што я абмежаваны ў выбары месца жыхарства – толькі гэты раён!

*Участники
художественной
самодеятельности, п.
Машуковка. Б. М. Микулич -
четвёртый слева в
третьем ряду (1950 г.).*

Есть у нас клуб, плохонький, я принимал участие в самодеятельности, но в связи с тем, что работаю в 12 км от Машуковки, отстал, да и возраст уже не тот, через неделю мальчику стукнет 38!...”Так и жизнь пройдёт, как проходят Азорские острова»...Такова моральная сторона.

Насчёт материальной – ясно.

Народа любопытного здесь мало, але недалёка ад мяне (у райцэнтры), живе Андрэй Александровіч, а ў 17 кіламетрах – Стась Шушкевіч. Я ўжо жартаваў: ці не адкрыць філіял ССПБ!

Нервирует психология мужичков (местное население – бывшие кулаки, ставшие теперь гражданами), их исключительная жадность и скопидомство. Нервирует финансовая канитель – ни одного месяца не давали аккуратно зарплаты, всё полусотенными авансами, - а я ещё с зимы, когда пришлось экипироваться во всё ватнее и валенное, залез в долги. А вообще жить нужно. Народ ко мне относится хорошо. Но приятелей близких нет. В последнее время, признаюсь, потянуло на литературу. Может, кончится лето, осяду на частной квартире, попробую писать. Хочу написать "Сповідзь" - без адреса и без надежды опубликовать. Для себя... Ну вот и всё. На любые твои вопросы готов давать точные ответы. Не забывай друга на чужбине, Таня! Рад, что работа тебя удовлетворяет. Ты ведь отличный человек и талантливый работник, от Бога. Ещё раз – искренне благодарю.

Борис

30. VII. 50

Таня!

Твои письма, хоть редки, да метки. Письмо, начатое тобой 1.1.51 г., получил вчера, т.е. 6 апреля 51 г. Бандероль только вскрыл – и сразу хлынули воспоминания. Читая письмо, я как бы окунулся в знакомый ручей... большое спасибо – за письмо, за теплоту его, за газеты.

Нет, я ещё не помер и не собираюсь, хотя со здоровьем (желудок) паршиво. Твой совет насчёт женитьбы немного запоздал: я женат. Это – сложная история, и я о ней напишу двумя днями позже. Однако скажу – моя жена работает зав. местным рабочим клубом, бедствуем без репертуара.

Письмо это пишется с единственной целью – поздравить тебя с весенним праздником. Почта от нас уходит через час, и поэтому – пишу торопясь и на ходу. Мало у меня осталось друзей, поэтому и дорожу их тёплым участием.

Так, значит, с весной, с праздником!

Борис

6.IV.51

Дорогая Таня!

Книги пьес и твоё чудесное письмо о Минске я получил сегодня 10 мая, - ещё не прошёл лёд по нашей реке, а сегодня наш герой – почтальон – уже приехал первой лодкой 65 километров и привёз почту. Сердечное спасибо за книги, они как раз в пору! В воскресенье мы думаем показать "премьеру" - спектакль "За вторым фронтом", над которым в качестве режиссёра тружусь уже два месяца. Из всех исполнителей один бывший профессионал. Вообще любительщина беспросветная, но нужно что-то делать, как-то играть, как-то жить, немного «переключаться», тем более что моя супруга - заведует клубом. Вот актрисой она страсть как боится быть, хотя все данные для этого есть, - внешне она похожа на нашу общую знакомую (в дни молодости) – в «Бесприданнице»... Она, моя супруга, славный и самоотверженный человек, рискнула из-за меня своим положением активистки-учительницы (и депутата), спасла мне жизнь. Совет твой, насчёт внимательного отношения друг к другу, правильный. Но, каюсь, иногда я срываюсь: ведь нервы у меня страшно развинченные, а ещё – я хворы. Вот и не сдерживаюсь иной раз, а потом – совестно.

Работаю я счетоводом-нарядчиком гаража, вожусь с отчётностью по механизмам, с нарядами токарей, слесарей и т.д. Скучная материя! Клуб у нас маленький, библиотека - ещё меньше. Раз в год забредёт какая-нибудь бригада краевого концертного бюро (скандал, Таня), но компенсирует нашу скуку кино (у нас свой аппарат). Я лично получаю "Лит. газету", "Роман-газету", "Работницу", Лиходеевский (он профессорствует в Ташкенте) часто высылает мне книги и журналы.

В этом году затеяли строительство: для нас строят домик, а пока мы живём в одной комнате: я, жена, 2,5-летний сын Женя (моя слабость!). Потом, по плану, моя поездка в райцентр подлечиться, а потом - купить радиоприёмник (это наша мечта). Вот так мы живём.

Если тебе, Таня, попадутся под руки маленькие пьесы (водевили, пусть – классика), пришли. Я ещё попробую или «Зелёную улицу», или «Калиновую рощу», но больше сердце у меня лежит к маленьким вещам (это и по силам нашему коллективу, и по характеру клуба). За присланные книги ещё раз огромное спасибо и от меня, и от жены.

Если, Таня, Ваш театр будет в Бобруйске, навести мою старшую сестру (Шмидта, 78), она мне много делает доброго и будет тронута участием старого друга.

Да, 20 лет отделяют нас от того памятного наводнения! Сколько воды утекло и с нею... всякого унесло!... У нас хоть и холодно, но весна и у нас. Желая тебе успеха, молодой мой друг!

Борис

10 мая 1951 г.

Дорогой друг Таня!

Так вот, наконец, собрался написать более подробно о нашем житье-бытье, тем более, что я перед тобой в долгу: на отличные твои письма ответил бегло...

Вчера, впервые за полтора года существования нашего клуба (и местной самодеятельности), мы показали большой спектакль "За вторым фронтом". До сих пор ограничиваемся концертами, поднять спектакль с любителями в наших условиях трудно. Но показали. И, говоря серьёзно, я доволен результатом: это был всё-таки спектакль, тем более интересный, что 4 участника впервые появились пусть на маленькой, но на сцене. Особенно порадовала меня моя собственная супруга: она заменила выбывшую исполнительницу Тани Егоровой, нервничала страшно. Мне это стоило много здоровья: я был режиссёр, художник (!) и исполнитель роли Ральфа... Клуб у нас маленький, сцена крохотная, средств клуб почти не имеет (получаем от рабочкома, который находится от нас в 120 км), так что всё приходится делать самотугом. Теперь я уступил место другому режиссеру, будут готовить концертную программу. А я, покрутившись, решил исподволь приготовить чеховского "Медведя". Теперь трудно готовить большую вещь - страда

огородная. Если не посадить картофель и овощи, то не будет "кормовой базы" - нас очень плохо снабжают.

А у нас с Машей дополнительное "развлечение": строим домик (мы выступаем как бы в роли рабочих, наш леспромхоз оплачивает строительство, но, к сожалению, ни я, ни жена, ни наш сын Женя строить не умеем, и взяли рабочих). Только так, может быть, сможем, наконец, иметь не комнату в общем бараке с тонкими перегородками и разными соседями, а своё "гнездо". Вот так мы живём и работаем. Далеко только мы залезли. Единственным "окном в искусство" служит нам кино, иногда попадаются хорошие фильмы. Быт у нас не очень организованный, но, надеюсь, как-нибудь его организуем, если меня не сорвут с этого места. Разумеешь, Таня, я цяпер жыву з такім адчуваннем, што кожную хвіліну мяне павінны зноў сарваць з месца, зноў некуды паклікаць, зноў некуду везці. Магчыма гэтае адчуванне таксама вынік майго хваравітага самаадчування, развінчанай нервовай сістэмы...

Живём мы на берегу огромного притока Ангары – Тасея. Летом река эта является единственным сносным путём связи с миром. Посёлок большой – уже около 550 человек рабочих, электростанция, автопарк, шпалозавод, семилетняя школа, много строят. С нового года, очевидно, отколемся от леспромхоза и станем самостоятельной единицей, тогда Машуковка станет «центром». Есть смета (400 тысяч) на постройку клуба, больницы и радиоузла. Теперь же больницы нет, а радио слушаем, у кого есть приёмники. Иметь 250 рублёвый приёмник - наша с Машей мечта, но пока - много других дыр. Плохо только, что у меня шалит здоровье и жене моей со мной тяжело.

Вот и всё. Прошу тебя не забывать меня и писать иногда, меня интересует всё – и ты, друг мой, и дела искусства, и процветание Родины.

Жму твою руку и желаю успеха.

Борис

22.V. 51

Дорогой друг Таня!

Давно я не получал от тебя писем, начатых в январе в Минске и оконченных в августе в Молодечно... Давно вместе с тобой не бродил по кулисам белорусских театров, по улицам белорусских городов. Одним словом, скучно без твоих писем!

Поздравляю с наступающими праздниками. Я живу на том же месте (только в новом доме), по-прежнему борюсь за жизнь, надеюсь и скриплю... Привет знакомым, ежели оные заинтересуются моей судьбой.

Спасибо за память и за помощь. Получил твою бандероль. Особое спасибо за сб. «Молодость», за газеты. На днях пройдёт концерт с двумя шутками: «Рука и сердце», где я изображаю балбеса-американца, и «Победа». У нас жара, мошка, дни заполнены хлопотами по дому и по работе. (маша уехала за матерью, и я воюю один). Живу по-старому. Один друг – чудак советовал (в письме) забыть тщеславие, дескать, «суета сует». Я посоветовал ему поменяться со мной ролями, промолчал. Пиши мне о своей жизни, о жизни театра. Тороплюсь, т.к. почта сегодня же уходит. Крепко жму хорошую твою руку.

Борис.

23.X.51

Дорогой друг Таня!

Получил твою открытку и пачку газет. И за первое, и за другое спасибо! Вырезки из газет понял как ответ на один из моих вопросов – написать о Минске. Это чудо, как хорошо. Сердце у меня забилося радостно. Но грусть вместе с тем родилась... На газеты белорусские я всегда накидываюсь с жаждой, - ведь столько нового и столько дорогого!

У нас совсем зима. Было уже и 40, но пока терпимо. Зимние дороги – лучшие дороги для нас, это значит – почта будет ходить аккуратней. Например, сегодня получил газету за 15 ноября – это для нас идеал.

Живём в новом домике, над которым трудились целый год... Работаем, вечерами читаем. Наш киноаппарат испортился, и за полтора месяца только раз были в кино, смотрели сразу и «Кавалера Золотой Звезды» и «На арене цирка». Из

крупных событий произошло одно – сгорел цех мастерских, в котором была и моя контора. Большой ущерб хозяйству, и мне дополнительная работа: нужно восстанавливать всю документацию.

Супруга моя, Маша, ушла из клуба, ушёл и я оттуда, там изменилась к худшему обстановка, и мы решили не тратить попусту мои и без того расшатанные силы. Так в мелких делах, в мелких заботах и идёт время. Вот сыну ёлку готовить нужно, а даже и цветной бумаги здесь не достать. Нужно «сочинять» игрушки – ведь нельзя же мальчика лишать развлечения, которых у него так мало. Он у нас сказки Маршака знает, поёт «Чижика» и вообще паренёк для своих 3-х лет отличный. Шалун немного, но это от мамы и бабушки. И вот занимаешься мелочами, а потом «возьме одум» - и начинаешь мечтать, вспоминать, уходишь в мир дум и грёз. И хорошо, и грустно тогда, и смутно-сладостно. Пока ещё ничего не пишу, но тянет иногда смертельно. Всё зависит теперь от будущего (у нас должны быть перемены), которое пока неясно.

В день праздников (седьмого, к слову, Маша была именинница) по моей просьбе друзья выпили (я не пью) за мою Родину и за немногих старых друзей. Мысленно я всех их охватил, не забыл и тебя.

Так будь счастлива и здорова! Крепко жму руку и надеюсь когда-нибудь получить письмо.

Борис.

22.XI.51

Сегодня оформил подписку на «Литгазету» и «Роман-газету». Таня! Не сможешь ли ты достать мне монографию Мозолькова о Купале? Безразлично, на русском или белорусском. А?

Дорогой друг Таня!

Третьего дня получил твоё замечательное письмо, книгу Мозолькова и прочее. Три дня протаскал конверт с этим вот листом в кармане, пересмотрел все

«ЛіМы», прочитал треть книги про Купалу, а рука никак не поднималась писать это письмо. Понятное дело: почему? А вот почему.

Твои, хоть и редкие письма наполнены интересной жизнью, новостями, так всегда поднимающими мой дух. так вот я и подумал: а, что собственно я могу любопытного написать в ответ? Ровным счётом ничего. Ведь то, что я работаю с 6 до 6, возжусь с грязными шофёрскими путёвками, мечтаю, хотя бы два-три часа погрузиться в тишину и книгу (не говоря о писании) дома, а зачастую это не удаётся (по секрету, пишу это письмо на работе и поэтому могу пожаловаться: я не в особенной дружбе с матерью моей супруги, и это наложило некоторый отпечаток на обстановку в доме), всё это малоинтересно для тебя. Людей здесь любопытных мало, а те, что представляют интерес, довольно замкнуты. Клуб теперь работает скверно. С уходом оттуда моей жены, ушёл и я, ушли ещё многие, и поэтому я бываю там, только в кино. Кино же бывает не чаще 4-х раз в месяц. Вчера только удалось посмотреть «Далеко от Москвы». Испорченная садящимся напряжением электроэнергии (у нас на одной линии шпалозавод), и во время его работы свет «пляшет», картина эта произвела двойственное впечатление: хорошие эпизоды и плохая композиция. Роман, конечно, во много раз сильнее. Сегодня также идёт какой-то фильм с подозрительным названием «Каждому по его труду». А когда доедет до нас «Тарас Шевченко», фильм про Большой театр? – Аллах знает.

Новый год мы праздновали так: собрались у одних приятелей в складчину, было много вина, аккордеонной трескотни и танцев. Моя жёнушка отвела душу и наплясалась. А я, сидя за столом и наблюдая, вспоминал, вспоминал... Дома же соорудили сыну грандиозную ёлку, игрушки, конфеты и печенье получил в подарок от моей сестры. Эффект был грандиозный. Ёлка стоит до сих пор, и её жалко убирать - такая она нарядная и лучшая в Машуковке. К слову – от присланных тобой картинок он тоже в восторге, всем показывает и страшно надоедает.

Женя наш славный мальчик, но бабушка его избаловала («что хочу!» - его единственный принцип). Вот на этой «педагогической» почве воспитания сына мы и цапнулись с бабушкой, т.к. я считаю, что мальчика нужно воспитывать иначе. Теперь я отстраняюсь от этого, т.к. чуть, что не так – мне сразу заявляют: если б

был ваш сын, говорили б иначе. Вслед за неприязнью бабушки надула губки и Маша. Но это, надеюсь, дело поправимое.

Вот так мы и живём.

Всё свободное время(его, жаль, маловато) я провожу за чтением. Степан Лиходиевский, сёстры и одна семья приятелей присылают мне время от времени книги. А вот белорусских у меня не было и про Купалу – единственная. Я её читаю с большой жадностью, но сдерживаюсь, растягиваю удовольствие. Правда, книга мне показалась немного элементарной, но что поделаешь, коли нет лучшей. У нас по существу даже о Горьком нет хорошей книги. Поэтому – спасибо ещё раз за подарок. Без ущерба для твоего бюджета иногда прошу присылать мне что-либо белорусское (только не беллетристику, а критическое). Вот и всё. Пока я писал это письмо (в диспетчерской) снова набралось шофёрского народа, и дела отвлекают меня от беседы с тобой.

Надеюсь, вскоре напишу ещё раз.

Крепко жму руку.

Борис

11.I. 1952 г.

За Молчанова очень доволен, но не удивляюсь, что его успех не приобрёл резонанса в его театре. Это похоже на моих земляков!...

Таня, друг мой!

Получил твоё письмо от 4.I, грустное по тону. Но я уверен, что этот тон – проходящее явление. Выедете на гастроли, начнёте играть, не будет перед глазами шурина – и всё пройдёт. Выше голову и – смейся!

Представляю, каков юбилей у колосовцев после ухода Молчанова?! И, вообще - разъясни!- не понимаю, до каких пор наши театральные земляки будут занимать со стороны, когда дело касается гастролей за границами республики

„декад и прочих торжеств? Судаков, конечно, мэтр, величина, но неужели без него купалаўцам не обойтись? Чего-то я здесь не понимаю...

У нас новостей почти никаких. Да, перед получением твоего письма я почти всё тебе «описал».

В клубе стало «неуютно». И, честно говоря, я «ушёл», не разрушив мосты. Очень мне хочется поставить гоголевскую «Женитьбу», только не знаю, как будет со временем.

А у нас новость, чуть не забыл! Купили (почти, взяли в долг) радиоприёмник. И вот третий день его эксплуатируем. Как будто вольным ветром в доме подуло. Это тем более важно, что три дня я полуваляюсь в постели: был грипп, не обратил внимания, и он наказал меня... Нужды нет, что Маша донашивает последние туфли, что у нас на двоих одни ватные брюки (в сибирских условиях – это первая принадлежность туалета), зато – слушаем Москву. В первый же день захватил кусочек концерта Александровской. Чтой-то - не понял: или не в ударе, или на закате. Только и осталось, что «толкование», а песни – уже нет? Всё-таки (вспоминаю свою покойную сестру), если нет серьёзной школы, то долго на таланте не выедешь. Читала ли ты «Вечерний звон» Вирты, и что это за роман?

Пиши мне обо всём. Маша говорит, что твои письма – целая газета. И она по своему права.. Будь здорова, бодра, работоспособна. Будешь в Бобруйске – навести мою старшую сестру (Минская, 78, Вера Антоновна), она будет счастлива, узнав, что у меня есть такой друг, как Таня.

Борис.

17. I .52

Жена благодарит за поклон, за участие в сыне...

Дорогой друг!

Не знаю, когда пойдёт (и попадёт к тебе) это письмо: лёд на реке тронулся, но, подумав, не пошёл, сегодня, 5 мая, идёт снег и на дворе – холодина и слякоть, временно мы отрезаны от мира плохим состоянием дорог. Тем не менее – пишу, потому что должен поблагодарить за чуткую память – 30 апреля (в канун

праздника) получил твою бандероль, в которой с огромным удовлетворением прочёл статью «Звезды» и с интересом книгу Бриля. Книга очень приятная, но не доработана, многое только намечено, и это очень жаль. Праздник провёл в общем сносно, но не так, как мечталось. Надеюсь получить твоё письмо, сопутствующее бандероли. Ещё раз – большое спасибо. Буду писать ещё. Крепко жму твои чудесные руки.

Борис.

5. V. 52

Дорогая Таня!

Пишу это письмо, сидя в своей диспетчерской. У меня здесь бывают «чистые часы», как бывают «голые роли», и я их использую на свои личные нужды – на переписку, на чтение. Вчера Господь Бог случайно забросил нам мешок почты, в котором оказалось твоё замечательное письмо из Каунаса. Да ещё письмо от младшей сестрёнки. Мне повезло. Если я пишу «случайно», то это не значит, что почта у нас плохая. Теперь она будет «хорошая», раза два в месяц будет приходить. Бездорожье кончилось: ещё 17-го в райцентр ушла первая моторная лодка за первой весенней почтой. А вот мешок этот привёз верховый, приехавший за деньгами. Как бы там ни было, а я очень рад, что письмо, написанное тобой в мае, пришло ко мне тоже в мае.. Спасибо тебе, Танюша, за память, за участие, за чудесную информацию. Нет, я не думаю, сдашь в борьбе с гадостями в вашем маленьком коллективе. Нет, я уверен, что у тебя хватит сил и будет ещё много возможностей хорошо, полноценно работать так, чтоб от работы была радость. Я вот тоже хотел было скарыцца перед жизненными мелочами, но решил – нет, буду смотреть на всё это «философски», что могу – то могу, а чего нет – того нет. Немного в доме было «нервного желе» (из-за мамы супруги), немного из-за того, что я не очень радивый хозяин, но всё это проходит, прошло, пройдёт... Снова меня втянули в клубную работу. И взялся я, раб, за «Калиновую рощу». Не потому, что я очень увлечен этой пьесой и надеюсь поднять четыре ее акта, а потому, что некоторым участникам самодеятельности захотелось именно эту пьесу. И вот началась знакомая канитель: говорить не умеют, ходить не умеют, руки перебиты, голос садится.... А ко всему

прочему – типичная для самостоятельности антидисциплина. Но Бог с ними, буду возиться и, если к числу 10 июня выйдет, покажу, а нет, так нет. В первых числах июня отправляюсь в район и буду добиваться операции. Здесь был красноярский хирург (прилетал на самолёте), и он мне сказал, что, если хочу жить нормально, нужно оперироваться, а всякие терапии – только временная мера. Вот я и решил.

Я тебе уже писал, что книгу Бриля (спасибо, друг! Ведь я отказываюсь от таких подарков, чтобы не ущемлять бюджетов друзей), которую ты выслала, прочёл с интересом и удовольствием. Но – я уже, кажется писал – не удовлетворён этой книгой. Это интересный конспект, который прямо необходимо расширить. Досадно, что Бриль оказался таким скупым, что дал только эпизоды, что связь между эпизодами слабая, что совсем не выписаны образы Михася, Василя, а враги смехотворны. А у меня такое впечатление, что человек он талантливейший и что поторопился или поскромничал – не рассчитал свои силы и решил, что промолчать во многих местах лучше, чем наболтать. У меня даже руки чесались – написать статью, до того досадно.

На днях прочёл отличную книгу Марии Пуймановой «Люди на перепутье». Это замечательная чешская писательница, книга очень увлекает. Кстати, там есть образ актрисы. Тихий, очень тонко написанный. От души советую – найди книгу и прочти, она доставит тебе много приятных минут.

Вчера начал читать «Девятый вал» Эринбурга. Это продолжение «Бури». Читаю по журналам, которые взял у одного приятеля (роман печатается в «Знамени»). Прочитал только начало, это интересно (крупный писатель всегда останется крупным), но уже решил, что это слабее «Бури» и намного ниже «Падения Парижа». Как-то пригнул Эренбург русских, а американцев просто написал идиотами, только французы у него по-прежнему хороши. Мадо стала такой безупречной, что её перестаёшь ощущать, как живого человека. По стилю же роман напоминает Эренбурга времён «Любви Жанны Ней», или «Жизни Николая Курбова»... Вчитаемся, будем проверять первое впечатление. Вот, Таня, чтение – моя основная отрада. Хорошо чувствую себя только с книгой, это факт.

Теперь о чем? О погоде. Пока холодно. Сегодня ночью было -3. День, правда, солнечный. Но холод задерживает рост травы, а скот устал без зеленого корма. Я посеял в ящике цветы, они поднялись – длинные, длинные, высаживать пора, а боюсь – замерзнут. И у Маши с «гародниной» такая же история: высаживать, сеять, а холодно, Ну, да растения наवरстают – тут чуть пригрело и всё полезло.

Праздник провёл скромно. Был концерт, в нём я не участвовал. Были с женой у приятелей. У себя «приёма» не делали. Вот, пожалуй, и всё. Опущу это письмо в ящик, и, думаю, через дня три-четыре оно начнёт «творческий путь». Привет от Маши. Она всегда изумляется размерам твоих писем. Чудачка она у меня, но в принципе – хорошая. Занимаюсь городьбой, копкой, но это тебе не интересно.

Крепко жму руку и желаю успеха. Надеюсь летом получить от тебя не одно, а два письма!..

Борис

19.V.52

Дорогой друг мой!

Сегодня, т.е. 10 июля, получил от тебя письмо, полное живой и деятельной жизни. Как прекрасны и заманчивы для меня все треволнения, о которых ты повествуешь! Почти 20 дней я жил в нашем районном центре, лечился. Хотел сделать операцию, но хирург упёрся (без желудка успеете быть) и сделал мне три подсадки. Этими подсадками лечат нынче от всех болезней, и поэтому я немного не верю в «универсальные» средства. Перед моим приездом демонстрировался там «Незабываемый 19-й», но я, к сожалению, не захватил. Но не теряю надежды, что ещё увижу. Мне же выпало посмотреть «Под небом Сицилии» (интересно) и четвертую серию «Гарзана» (ужасная глупость!). А в районном Доме культуры по субботам танцуют... А вообще мне там сильно нездоровилось, одна подсадка нарвала. В общей сложности «подлечили», но боюсь, что в Машуковке быстро сдам опять: нужна диета 2 месяца – её нет, не нужно беситься – не выходит, не нужно работать – нельзя не работать, «бюджет» не выдержит... Ура! Во время написания этого письма пошёл дождь. Это первый крупный дождь за всё лето. После страшной жары. Огороды были под угрозой. А теперь – это спасение. Крупный,

большой дождь, которого ждали, как манны небесной. Чтобы шёл он дольше! Мне, семейному человеку и плохому хозяину, много забот... Ещё 6 дней – и кончился мой отпуск. За это время я кое-что прочёл, в частности прочёл интересный роман Анны Зегерс «Мёртвые остаются молодыми». А так жизнь идёт довольно однообразно – изо дня в день, скорее бы прошло время, будто чего-то ждёшь. А чего спрашивается?

Вот и дождь прошёл. Очень мало – всего минут десять он шёл. Всё зазеленело, и шёл он так мало! Правда, где-то ещё погромыхивает, может, повторится. В этом году жара ужасная и огромное количество мошки и комаров. Я не очень боюсь её, но и мне невыносимо. Вот такие дела...

И ещё могу сообщить пренеприятную новость: шестого августа мне исполняется сорок лет!.. Из коих 15 я почти не жил, а существовал.

Ну, всё! Желаю тебе успеха в работе и осуществления желаний – работать в маленьком, но первоклассном театре. Вспоминай обо мне иногда и пиши! Дом на Ленинской – очень здорово. Привет от жены.

Борис

10.VII .52

Дарагі друг!

Атрымаў сэння тваю бандэроль, доўга разглядаў мінскія выразкі, любаваўся новым горадам, зайдросціў вам і сумаваў...Дзякую за памяць!

Прагледзеў амаль ўсе газеты. Мяркуючы па іх, і кніг новых шмат, і спектакляў, і жыцце кіпіць...Каб у дадатак да ўсяго – яшчэ і ліст да цябе.дзень быў бы поўны.Многага хачу! Дажыць да дня, каб яшчэ раз прайсціся па мінскіх вуліцах. На пэўным адрэзку часу хочацца быць “бліжэ к милому прыделу» .

У нас стоят горячие (жаркие) дни и страшно холодные ночи. Любопытно наблюдать, как растения борются с этой резкой температурой. Сутки шел дождь, вообще говоря, было мало дождей в этом году. Но теперь ясно: будем и с огурцами, и с капустой, и с картофелем, и со свеклой. Ведь мы наполовину аграрии. Где-то есть газовые чайники, шариковые ручки (моя мечта), стеклянные кастрюли и

сковородки... А вот опыт с цветами удался. Мне прислали всего. Но вначале их прихватило морозом, они частью погибли, а часть только теперь поднимаются. Цветут настурции да ноготки, а также одиночные кустики резеды. Очевидно, нужно культивировать семена местных цветов. А они в тайге, на лугах - изумительные. Такого разнообразия видов и такой яркости окраски я почти нигде не встречал. Если бы не “маленькие кровопийцы” – гнус, здесь много было бы радости. В одном из последних номеров “Литгазеты” есть статья академика Павловского о борьбе с гнусом. Прочти, очень интересно. Во всяком случае, это большая проблема, которой ученые занимаются с 1935 года.

Раней, чым я атрымаў тваю “падборку” аб “Незабыўным 1919”, я таксама прачытаў рад артыкулаў аб ім. І таксама заўважыў, што пра Малчанаву вельмі мала. Я думаю, што гэта па дзвюх прычынах:

1. Новае імя на экране, флюгеры не знаюць, як да яго паставіцца;

2. Роль эпизадная ўсе-такі. Але так ці інакш я шчыра падзяляю з табой пачуццё гонару за нашага земляка. Спадзяюся, што фільм даедзе і да нас.

Ну, што табе яшчэ сказаць? Паскардзіцца, што я дрэнны гаспадар і з гэтай прычыны многа непаразуменняў – дробных, смешных па сутнасці, але не заўсёды прыемных. Магу паведаміць цікавае: Андрэй Александровіч, які жыў у Тасеева, бедаваў без пастаяннай работы і вельмі хварэў у апошні час на сухоты, увесь час дабіваўся, каб пераехаць у Канск, дзе жыве яго жонка і старэйшы сын. Нічога не выходзіла. Цяпер жа яму ўдалося выехаць у леспрамхоз, які ўсяго ў 40 км ад Канска, знайці добрую працу. Родныя яго наведваюць амаль штодзень. Між іншым, ён упарта піша – вершы, дужа артадаксальныя, спадзяецца, што іх рана ці позна ацэняць. Працуе ўпарта, не ў прыклад мне...

Калі выпадкова трапіцца пад рукі новае выданне гісторыі літаратуры, май мяне на ўвазе. Вельмі хочацца яе прачытаць.

Вось і ўсе. Яшчэ раз дзякую. Яшчэ раз паціскаю руку.

Барыс

Дорогой друг Таня!

Два дня «праздновали» - принимали гостей, сами были в гостях, ведь нужно иногда подавить в себе одиночество и переключить внимание, иначе засохнешь... И вот сегодня, 9-го утром, решил написать ответы на всю предпоследнюю почту. Твое письмо (хоть и писалось оно «интервалами») произвело на меня, как всегда, чарующее впечатление. Вот ты думаешь, что я шучу, а я пишу правду - все в твоих письмах, в мелочах и в важном, меня кровно интересует и занимает. И чем больше их – подробностей и мелочей, тем ярче восприятие. Ведь ни газеты, ни радио не заменят живого дружеского слова. Учти, душа моя, и сделай выводы.

Сын «бушует» с самого утра, но я все-таки пытаюсь выполнить намеченное: написать пять писем, из которых к тебе – третье. У нас, конечно, зимушка: снега, морозы до -40, но в доме, слава Аллаху, сносно и даже уютно. Передо мной маячит поездка в райбольницу, и на этот раз на окончательную операцию. Это очень большое изменение в жизни (перестройка «экономики»), и сегодня буду держать с женой семейный совет. Ей полагается 2-х месячный отпуск, и я хочу, чтобы она его взяла именно теперь. Она немного прихварывает и не в меру раздражительна. Нужно его понимать: машуковская действительность дает мало питания для стойкости и выдержки.

Напрасно ты считаешь, что подробности о благоустройстве Минска и других родных мест меня будут терзать. Вчера в небольшой компании мы подняли тост за «55-ю годовщину», значит, все мы решили жить еще минимум 20 лет! Поэтому я с огромным интересом читаю твои письма и надеюсь, что и впредь ты не изменишь своей привычке...

Порой, конечно, бывает очень грустно. И все ваши письма, и от сестер и от друзей, всегда как стакан шампанского. Отмахнешься и снова тянешь «житейскую нуду». А теперь вот начнутся длинные, зимние вечера, сколько нужно присутствия духа, чтобы быть ровным, выдержанным. У меня не всегда выходит. Думаю, что Маша часто страдает от моего дурного характера. А у меня не всегда хватает мужества сдержать себя. Большие надежды возлагаю на исцеление – или, или...

Когда же снова я буду читать твои страницы? И когда «настигнет» тебя это мое письмо? Но, так или иначе - желаю тебе успеха, бодрости, счастья. Крепко, крепко жму твои руки.

Борис

Таня! Какого-нибудь читава?!

Ноябрь, 1952

Дорогой друг Таня!

После полуторамесячного отсутствия возвратился в любезную сердечную Машуковку и застал твое письмо из Каунаса. Спасибо. Где я был и что со мной было? Слава Богу, прошло. 4 декабря меня благополучно оперировали, и вот теперь я «возвращаюсь к новой жизни» с усеченным наполовину желудком и с «новой канавкой» вместо 12-перстной кишки. Операция длилась 3,5 часа под местным наркозом, я с трудом выдержал, но выдержал. Окруженный любовью жены и сына первый день сегодня наслаждаюсь домашним уютом, делаем с сыном елочные игрушки, «золотим» орехи. Сын никак не поймет, когда же Новый год. Я ему толкую - через три дня, а он – «когда снег пройдет?»

Конечно, мне еще побаливает в области разреза, еще я очень слаб, но я почти по-детски счастлив, что я могу пить молоко, есть картофель и после этого меня не рвет. Надеюсь, что это длительное счастье. В больнице прочел любопытный роман Каверина «Открытая книга». Увлекательно и достаточно самостоятельно. И перечитал почти все лучшее Гайдара. В кино давно не был. Других развлечений нет. Теперь готовим с сыном елку, думаю, что и для меня это будет развлечением. У нас морозы и снега. Глубокие, глубокие.

Жена тоже приболела. Только сын энергично функционирует. Жаль, что опаздываю, но: с прошедшим мудрым днем пятидесятилетия, с Новым годом и новыми заботами.

Извини, но решил послать тебе свое фото, - учти, что это на 20-й день после тяжелой операции.

Вот и все. Крепко жму твои руки.

Борис

28.XII.52

Таня!

Я получил твоё письмо и две бандероли. Спасибо, друг! За окном холодный вечер, дома – тишина, только тикают ходики. Сын первый день ходил в детсад, полон впечатлений, рассказал и уснул. Маша ушла в клуб на танцы. Мы должны были сегодня вторично играть «Калиновую рощу», но заболел один из участников. Первый раз играли в то воскресенье. Успех был порядочный – выручили около 800 рублей... Ставил спектакль я, играть же мне пришлось Вербу. У нас нет ни париков, ни других «приспособлений», я сделал мазь из темно-каштанового грима с вазелином, и мои кудри утратили свой серебряный цвет. Лично я играл средне, сказало волнение за весь коллектив. Ты, примерно, знаешь, что такое любительница и как трудно с ней бороться. Делая скидку на это, должен сказать, что были настоящие актерские удачи. Отличные декорации написал нам один из местных товарищей. В общем, толков было много. Жажда в зрелищах здесь колоссальная. Живое слово бывает редко, кино да кино.

Чувствую физически хорошо. Только страшно устаю – утомляет ежедневное вставание в половине пятого утра. Среди дня (особенно с 2-х до 5-6) у меня бывает свободное время. Я читаю, сидя в диспетчерской. Но мало хороших книг. В присланных тобой «ЛПМах» я вычитал о выходе в издании Академии наук книги о Купале. Хочу, хочу, Таня, её прочесть. И ещё прошу тебя: нельзя ли достать «Славу» Гусева? Мне хочется сыграть Медведева...

Не помню, грустно ли мое письмо, но твоё, Танюша, очень грустное, а местами унылое. Прочитав его, я долго сидел и думал – так, обо всем, о жизни. Мы с тобой страшно одиноки, пройдя фактически жизнь. Меня обстоятельства сделали такими. А тебя? Бацилла искусства слишком вгнездилась в тебя, оставив для личной жизни слишком маленькую площадь. Верно ведь? А теперь, когда приходит «миг вечера печальный», начинаешь оглядываться вокруг и ощущать пустоту. Вот ты мне поведала о твоём визите в горсовет. Я несколько этому не удивился, я почти пластически, так сказать, представил тебя и этого чиновника. Этот твой поступок

характерен – это из того же ряда, что и труд по историографии витебского театра. А внимание прошло мимо. Ты прости меня за жестокие слова, но жизнь очень гадкая штука, и мне порой хочется выть, если б от природы я не был оптимистом. Быть им – единственное! Теперь о роковом вопросе, об амнистии. По той же самой причине оптимистического начала в моем характере, мне хочется верить, что наметился сдвиг. Лично меня и мне подобных эта амнистия пока не коснулась. Вообще, она осуществляется крайне медленно. Но с другой стороны без сомнения и скепсиса нашептывает мне другое. Вот это-то – неоднократная утрата иллюзий – и гложет меня. Немного «истории». Когда в 47 г. Верховный Совет БССР снял с меня судимость, я снова воспрянул духом, бешено работал, ездил в Минск, хлопотал, мне обещали, а я верил. 1949 год разбил эти иллюзии. Следовательно, между прочим, спросил меня: «Сколько вы заплатили за то, что с вас сняли судимость?» В этот раз без всяких оснований (кроме одного – что я был в тюрьме) меня снова оторвали от родимой почвы и направили в Машуковку. Имей в виду, Таня, Машуковок таких тьма. Правительство должно было бы знать и понять, что если бы ликвидировали бы эти Машуковки, то в стране наступила бы весна. Ведь посуди сама. Дай волю мне, мои родные вздохнули бы с облегчением, а друзья, вроде тебя, улыбнулись бы. Вот и пошла бы такая лучистая ниточка по народной толще, - ей, ей, весна!.. Ты внимательно читала материалы о врачах-отравителях? Имей в виду, что это только одно из массы подобных дел. На этом деле вскрылось истинное лицо Рюмина (или как его там?), а сколько Рюминых еще осталось в аппарате, и им-то теперь нужно осуществлять амнистию? Да у них кровь из зубов пойдет, но они будут упорствовать. Факт! Хотелось бы мне побывать на родине и еще раз посмотреть ее. Посмотреть родные могилы да коснуться праха убиенной моей мечты. Хотелось бы мне побывать там и показать ее, мою Родину, другу моему, жене Маше, которой я обязан тем, что не изошел в тоске, не стал зверем, а живу, острою и смеюсь. А все остальное? Да кто потеснится рада меня? А снова, в третий раз, пускать в ход локти и добиваться - не хватит на это сил.

После «Калиновой рощи» была у нас вечеринка, я вспомнил традиционные «капустники» и выступил с шуткой, которая была встречена восторженно. Стихи в этой шутке не особенно хороши, но тон ее тебе будет понятен:

Итак, премьера отошла,
Шумит народ, толкует всяко.
Успех, друзья, не одинаков,
Но Муза нас не обошла.

Она, та муза, поскромнее,
Чем у «дирекции» подчас,
Когда растут там каждый час
И аппетит и вождельенье.

Но дело кассы не для нас,
Для нас, друзья, успех дороже,
И если б я был помоложе,
Ей-ей, влюбился б в сей же час.

В кого? В матроса Горового?
Нет, книжный образ мне не мил.
Или в суфлера прописного,
Который молча говорил?

К тебе, о Ковшик, песнь моя!
К тебе, о Щука, голос сердца!
К тебе, Надежда, песнь моя,
А всем вам вместе – доза перца.

О темпе все забыли вы,
Пеняя на суфлера рьяно.
Он может вдруг и забуянить,
Не усмирят его и львы...

Придется трактор вызывать,
Придется тросом увязать,
А Ростислав пойдет крушить

И может Баха придушить.

Он не посмотрит и на то,
Что Карп с Иваном - примадонны,
Здесь не запьешь «пирамидоном»
Того, что сам присочинил.

Он не посмотрит и на то,
Что Крым с Кандыбой – в фаворитах,
Что хвалят их все Сони, Риты,
А Корнейчук не похвалил.

Он не посмотрит и на то,
Что Василиса вкупе с Вербой
Подсочинили.. . Без ущерба?
Он даже нас не пощадил.

Так вот, друзья, наш первый тост
За рядового в нашем деле.
За Ростислава, в самом деле,
За самый скучный этот пост.

Второй наш тост – за наших юных,
За Люсю, Зину, Василя!
Чтоб прозвучала «тру-ля-ля»
Не раз, а сто на нашей сцене.

За «стариков» наш этот тост –
За Сашу, Аду, Женю, Вову,
За Лизу, Митю, Веру, Борю,

За Яшу Ланга

И за то,
Чтоб Хеннох чаще нам играл
И наш ансамбль не заглушал.

До дна, товарищи, до дна!..

Вот на этом конец! Помнишь в пушкинских «Стансах»? «Так в ненастные дни собирались они...» Так и мы кое-что делаем, чтобы не увянуть.

Жму твою руку и жду писем.

17. V. 53

Борис

Дорогая Таня!

Позавчера я послал тебе открытку с благодарностью за газеты и книгу о Купале. Вчера в нашем клубе прошел спектакль пьесы Лавренева «Голос Америки». Свалилась с плеч обуза, которую я взвалил на себя. Сначала клянусь, что не буду ставить и играть, а потом «влажу» в эту кутерьму, трачу скупое отведенные часы отдыха на репетиции, трачу нервы. Спектакль прошел хорошо, дав нашему коллективу 800 рублей сбора. Дело в том, что наш клуб не имеет иного бюджета, кроме того, который мы сами «создадим». Из сумм, выручаемых спектаклями и концертами, мы должны выплачивать моей супруге (зав.клуба) зарплату в виде 40%. Ее заработок, таким образом, в октябре был 240 рублей, а в ноябре 312... Я, как руководитель, имею право получить 10%, а участники спектакля 30%. Но так как нужно изыскивать средства для художника, за услуги кассира и пр., то я отказываюсь от своей доли в 30% (т.е. примерно от 25 рублей!..). Я это все пишу тебе для того, чтобы ты имела представление о том, в каких условиях создаются художественные ценности..., и в каких условиях приходится работать. Учти к этому, что официально я выхожу на работу к 6 часам утра и торчу в диспетчерской до 6-7 вечера.

В спектакле (ты знаешь пьесу?) очень хороша была миссис Кидд и Мэрриет. Очень приличный Вальтер и очень удачный Скуидрелл. Я очень опасался, что основной наш зритель не поймет спектакля, но реакция была дружная. Во всяком случае, здесь всегда вспоминают, как были летом на гастролях артисты краевого драмтеатра. После них на наши спектакли ходят очень охотно. Только дается это все мне лично большой затратой нервов. Помимо того, что мне пришлось «вести» спектакль (даже суфлировать), я играл Уиллера. Таня! Достань где-нибудь старую «Славу» Гусева. Мне очень хочется здесь ее поставить и сыграть Медведева.

Праздники мы провели очень скромно. Накануне был большой и удачный концерт в клубе. И сразу оттуда с парочкой друзей мы пришли к нам и просидели до трех ночи. У нас огромный снежище, сравнительно тепло. Уже пришли первые машины из райцентра, значит, к нам чаще будет приходить почта. В семье у нас все по-старому: Женя ходит в детсад, он очень любит книги и на днях получил огромный подарок от моей сестры Мурки – десяток чудесно изданных книг, в том числе и «Зайцаву хатку» на белорусском языке. Каждый вечер он заставляет меня или читать ему, или рассказывать. На днях он мне заявил: «Папа! Я не хочу, чтобы ты был старенький». «Что же мне делать?» - спросил я. «Ты бы хоть чаще брился». Вот таков рецепт моего пятилетнего друга. Конечно, жаль, что это не совсем мой сын. Возишься с ним, пестуешь его, а потом явится чужой дядя и скажет: «Это мое!» Нечто подобное уже было этим летом. А в остальном – жизнь идет и идет!

Вот, пожалуй, и все. Еще раз благодарю за память и за хорошее отношение ко мне.

Борис

23.XI.53

Дорогой друг Таня!

Получил твой новогодний подарок – «Славу»... Смущен той большой работой, которую ты проделала для меня, переписывая пьесу... Нет слов для признания! Спасибо!

Со «Славой» у меня связаны определенные воспоминания. Юношей я попал в определенные условия. На мое счастье, в лагере, где я жил, был начальник – любитель искусства, и под его покровительством был организован приличный клуб и группа артистов. А так как в тех условиях каждый приспособивался, как мог, то и эта группа людей, пользуясь тем, что они развлекают народ, жили лучше и свободнее остальных. На пятый день моего приезда меня встречает верзила средних лет и, сильно по-хохлацки, спрашивает, не умею ли я играть. Я отчаялся и соврал. «Приходите вечером в клуб». Я пришел. Мужская половина встретила меня

недружелюбно, женщины очень ласково. Там была одна порядочная актриса из студии Е.Б.Вахтангова (туберкулезная), одна очень хорошая опереточная актриса, и блестящая балерина (обе из Харбина), и две-три любительницы. Робко я переступил порог клуба. Дело оказалось такое: одного из участников культбригады срочно куда-то увезли, и без него «сел» весь коллектив, а нужно было ехать по участкам. «Разлом», сыгранный ими много раз, был без Штубе, «Цыганы» без Алеко или Ведущего, а «Слава» без Маяка. Это был их репертуар. Назавтра должна была состояться премьера «Цыган». В моих дрожащих руках оказался томик Пушкина, «Слава» и «Разгром». «Алеко или Ведущий?» Я пролепетал: «Ведущий». Утром была репетиция. Вечером я уже вел «Цыган» (это было сделано, как в мхатовском «Воскресении», я был «вездесущ» - то перед занавесом, то справа, то слева, то за занавесом, то в толпе цыган). Прошло. Через два дня я играл «Славу» для начальства, играл Маяка, и сцена отчаяния вызвала вдруг горячую реакцию зала. После спектакля я был вызван к начальнику управления (генерал!), премирован 25 рублями и приказом дать мне легкую работу на месте. И поехало! Вскоре я играл Мотылькова, а в годы войны, вновь вернувшись к «Славе», сыграл Медведева, завоевав второе место на олимпиаде... «Слава» спасла меня, и, как таковую, я нежно ее люблю. В разное время переиграл в ней все мужские роли, но настоящий успех был Медведев. Это было еще тогда, когда месье Давид (был у нас француз-парикмахер) густо намазывал мои волосы каким-то блаженным составом и пудрил мои золотистые кудри, последние разы их уже только слегка пришлось припудривать, а теперь – не придется совсем...

У нас чудесная зима, Таня, больше 43 градусов не было. В Новый год мы очень удачно провели концерт, причем театрализованное вступление и концовку писал я. Выручили около 900 рублей и после концерта встретили Новый год своим кружком. Я бы, может быть, и не занимался б этим делом, но все-таки: 1)скучно без какого-то намека на искусство, а 2)нет-нет, а нам с женой перепадет лишняя сотня рублей. Я наметил два вечера: вечер комедий («Предложение» Чехова, «Ревизор поневоле» Михалкова и «Семейный вопрос») и «Славу». Это буду делать я. Второй режиссер будет готовить концерт ко дню выборов (его мы обязаны ставить

бесплатно). На днях меня выбрали в местком и там поручили культмассовый сектор. Значит, я заинтересован в том, чтобы клуб работал.... А так я очень перегружен работой – не столько делом, сколько необходимостью торчать в диспетчерской. Дома, в семье, у меня все благополучно. Писем от тебя давно не было, но, судя по адресу, вижу, что ты продолжаешь путешествовать. На днях смотрел фильм «Поют жаворонки». Ничего. Только почему они играют по-русски? Неужели белорусскую речь всесоюзный зритель поймёт меньше, чем украинскую? Вздор, ей - богу! Мне понравились только Шаціла і Пола. Молчанов в фильме страшно обыденный. Зато старуху Тиме в «Лесе» я смотрел с наслаждением, равно, как и Аркашку – Борисова. Ей-богу, мне казалось, что я таю.

Стоп! Иду укладывать сына. Мать в клубе, а мы заняты своими делами – я письмами, а он мастерит что-то из бумаги. Спокойной ночи, Таня! Пиши мне, пожалуйста.

Борис.

23.I.54.

Дорогой друг!

Получил письмо, получил газеты. В эти месяцы я не имею даже «Литгазеты», почта мне в этом году отказала. Поэтому твоя бандероль вдвойне полезна. Большое спасибо. Нет, «Славу» ещё и не начинали. Дело в том, что до сих пор не дали штатной единицы в наш клуб, моя супруга относится к делу поэтому спустя рукава, а коллектив разболтался и уже месяца два ничего не делает. Но, тем не менее - я питаю надежду сыграть Медведева, хотя теперь нам крайне нужна комедия. На днях здесь была бригада (6 чел.) Краевого гастрольного бюро. Они ездят по гарантии. За первый концерт они выручили 1300, а за второй... сто рублей! Народ не просит, а требует нашего спектакля. Но очень трудно – у нас двух - и даже трехмесячная работа. Так что пока все в планах. До меня дошли слухи, что Андрея Александровича возвратили домой. Возможно, у тебя будут какие-нибудь возможности, выясни, так ли это. Весна – и это, пожалуй, основная новость. Сестры мои, конечно, преждевременно ждут меня. Пока дальше Красноярска моим приятелям ездить не удавалось. А так, вообще говоря, грустно. «Молоха» я тоже

получил. Не трать, Танюша, на это деньги. У меня, к слову, есть большой том Куприна. А вот историю белорусской литературы мне достань. Твои подарки про Купалу читал с душевным трепетом. На днях слушал по радио «Чайку». Очень мне было грустно на душе.

Кончаю. Извини, что пишу мало, да и сын мешает. А я ещё задумал прокурору писать.

Привет от жены.

Борис.

23.Ш.54.

Борис Михайлович Микулич переписывался с белорусскими писателями: П.Бровкой, Я. Брылем, П.Глебкой, С.Граховским, И.Гурским, М.Климковичем, К.Кириенко, М.Танком, М. Лыньковым. Содержание почти всех писем к ним сводилось к одному: Борис Микулич искал возможность печатать свои произведения. Он непрерывно писал, и хотел, чтобы его творчество дошло до читателей. Он не мог не писать, и не терял надежды на издание своих книг. Но ему не везло, ему все сочувствовали, да, но не могли помочь – никто не хотел печатать опального писателя. Как писал Борису Илья Гурский: «... «специфика» Ваша препятствует».

Сохранилось несколько писем Бориса Микулича к М.Лынькову. Они писались автором между лагерем и ссылкой.

Тов. Лыньков!

Через 3 месяца у меня будет полная возможность возвратиться на родину. Совершенно понятно, что жизнь без какого-то соприкосновения с литературой для меня немислима. Поэтому я решаюсь обратиться с этим письмом и поставить перед Вами несколько вопросов: каковы возможности возвращения меня в Белоруссию, как к этому относится правительство и лично вы, есть ли смысл в таком возвращении, можно ли рассчитывать на содействие Союза получить работу вне Минска? Так как расстояние между мною и Вами географически – очень солидное,

то прошу ответить мне как можно скорей, если Вы вообще находите возможным ответить. Адрес мой: ст. Решёты Красноярской ж.д. почтовый ящик № 235/6. Микуличу Борису Михайловичу.

В зависимости от Вашего письма я буду планировать свою жизнь. Простите за назойливость.

Борис Микулич

26-VII-46

Паважаны М.Ц.!

З часу Вашага лісту прашло 1 ½ месяца... Я разумею, што гэты час быў напоўнены больш важнымі справамі, чым мой лёс, але... Я б не разлічваў на паездку, несвайго “адпачынку”, не марочьў ні сабе, ні Вам галавы. Маю ў рукапісу 5-6 аркушаў гістарычнай аповесці – беларускае сялянства ў час напалеонаўскіх войнаў, завецца аповесць “Адвечнае”. Вам паслаў трэцяе апавяданне пра Багдановіча і н’ат не ведаю, ці дайшло яно да Вас. Вось так абстаяць справы. Ад прашу толькі аднаго: шчыра напісаць ці магу я спадзявацца? Друкавацца магу пад любым псеўданімам, жыць магу ў любым месцы, але толькі займацца любімай справай. Выбачайце за назойлівасць, але, калі мне не можна зноў займацца беларускай літаратурай, дык буду наладжваць сваё жыццё інакш. Вы ж разумеете, што цягнуць доўга ў наш час нельга. Прашу мяне яшчэ раз прабачыць.

Барыс Мікуліч

8/III-47 г.

24.VII. 47 г., Лагойск

Паважаны Міхась Ціханавіч!

Я ўяўляю палец Вашай рукі, які лезе за вуха... і Ваша злое здзіўленне пры атрыманні гэтых “лістоў”... Але што я магу зрабіць, калі нешта мацней мяне?! Вот Вам яшчэ адна рэч, апошняя з маёй “праграмы – мінімум”. Цяпер у Вас ёсць: “Палеская аповесць”, “Узнагарода”, “Вецер”, “Жыццяпіс” і “Адвечнае” – столькі рэчаў, колькі досыць для таго, каб меркаваць аб чалавеку, напісаўшаму іх. Што зроблена мною каб..., я Вам ужо некалькі разоў пісаў. За гэты час я паслаў яшчэ ліст да тав. Панамарэнка, але ніадкуль няма нічога, апрача Верх. суда, які паведаміў, што ўсё згарэла. Цяпер – абяцаю – я буду доўга маўчаць і цярпліва чакаць...

Выбачайце!

Барыс Мікуліч

И ещё одно письмо, написанное им за год до смерти и адресованное на этот раз тем, кто мог изменить жизнь писателя, признать его невиновность, оправдать...

"Итак, снова наступило время напомнить о своём существовании и об исторической несправедливости, которую следует, в конце концов, исправить. К вам обращается бывший белорусский литератор, автор нескольких книг. На двадцать пятом году своей жизни, в конце 1936 года, я был арестован в Минске, обвинён в принадлежности к контрреволюционной организации, а затем приговорён по статье 58-10, -11 к десяти годам лагерей. Достаточно сказать, что ни в 1937 году, ни позже я не считал себя виновным в приписываемых мне преступлениях. ...1 сентября 1947 г. Верховный совет БССР снял с меня судимость... ..В конце апреля 1949 года меня снова арестовывают... Спустя шесть месяцев меня, решением Особого совещания, отправляют на поселение в Красноярский край "за контрреволюционную националистическую деятельность". И вот четыре года я нахожусь в Красноярском крае, в Тасеевском районе, в посёлке Машуковка. Когда же это кончится? Вот уже пятнадцать лет терплю страдания и унижения - за что? За надуманные преступления, за которые я уже ответил десятью годами лагерей, меня ссылают в Красноярский край, который сужен рамками даже

не района, а одного лишь посёлка, из которого мы можем выехать разве что в районное село Тасеево, и то с разрешения комендатуры... По существу, это тот же лагерь, только без забора и вышек, - нечто вроде штрафной бесконвойной командировки. Об этом можно написать тома. Я не бью себя в грудь и не каюсь, мне не в чем каяться, разве только в одном - что не пресеклась моя жизнь. Но в этом последнем пока бессильны даже работники МГБ... Не каюсь, но честно говорю: дайте возможность жить мне и моей семье, дайте честно работать, но без оглядки. Ещё раз спрашиваю: когда кончится эта глупая и злая шутка с мнимым контрреволюционером?

Б. Микулич, 10 мая 1953 г."

*Борис Михайлович Микулич
во время ареста (1937 г.)*

Это письмо было написано Ворошилову, уже после смерти Сталина. Письмо рассмотрели 23 сентября 1955 г. Установили, что следует признать постановление о ссылке неосновательным, дело прекратить, Микулича от ссылки на поселение освободить. «Глупая и злая шутка» продолжалась, «милосердные» судьи не видели за казенными словами человека, не удосужились узнать, что писателя уже больше года нет в живых. Он умер прямо за рабочим столом в далёком от его Белоруссии таёжном сибирском посёлке Машуковка 17 июня 1954 года на 42-м году жизни...

Эти письма, переданные в Бобруйский краеведческий музей и Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства сестрой Бориса Марией Михайловной Микулич, бережно хранятся в фондах, наряду с другими документами, рукописями и вещами. Среди них – письмо Марии Смеляковой, гражданской жены Бориса Михайловича Микулича к его сестре Марии, которая подробно описывает последние дни жизни и смерть мужа.

Телеграмма, извещающая о смерти Бориса Микулича (17 июня 1954 г.)

20/VI. Мура, дорогая моя Мурочка, как тяжело. Так тяжело, что я, наверное, сама уйду за ним. 15 и 16 числа он мне говорил, что его тошнит, и тошнит перерывами, отпустит и опять, а я над ним смеялась,

что я беременная, а он прихотничает. 16 вечером мы с

ним до 10 вечера садили капусту, я принесла цветов, а он мне сказал: «Я сам рассажу, а то ты не знаешь, какие низкие, а какие высокие». После этого он пошёл с Женей искупался (у нас сильная жара и целый месяц не было дождя). Он всё время после работы бегал в трусиках такой жизнерадостный и весёлый, река от нас в трёх метрах. Мы пришли домой, покушали и сели читать. Я что-то замёрзла и пошла читать в постель. Он тоже пришёл в спальню и сел на стул к печке и всё читает. Я ему говорю, чтобы он ложился спать. А он всё своё, что очень интересная книга, дочитаю. Утром он встал в 5 ч. Утра, подошёл в спальню и говорит: «Ну, я пошёл, детка, ты ещё поспи, коровы ещё нет с поля». Я спросила, ты покушал? Покушал. – Съел полбанки сметаны с печёнкой. – А как тошнота? – Ничего не чувствую.

В полшестого я вышла доить корову и под коровой мне сообщили о его смерти. Меня без чувств унесли в больницу. Кричала, кричала и ничем не помогла, лежит без движения. Принесли домой. Одевать сутки не разрешали потому, что этамировать (прим. автора: анатомировать?) можно только через сутки. Побрили, попудрили, одела в костюм, который ему сшили, и он с мастерской принёс 14 числа из тёмносиней китайской шерсти по 305 рублей за метр. Стал нам он 1207 р. ещё 100 рублей не доплатили (он его ещё ни разу не одевал) в мастерскую и вечером я ему купила шёлковую рубашку трикотажную, она ему так понравилась, очень крепкая вязь и очень хорошая. Их в магазине было всего две. Я заняла 100 рублей и захватила её. Он её три раза за вечер одевал и всё хвастался, что я ему чудную рубашку подарила. Купили туфли к костюму за 280 р. Это всё я ему одела. Лежал такой приятный, красивый, улыбающийся, утопая весь в цветах. 2 дня люди шли потоком отдать последний долг и никто не верит, что он лежит не живой. Плакали

все: и мужчины, и женщины. Я сделала всё, что мне не стыдно за похороны своего любимого. Машуковка ещё таких похорон не видела. 19 числа в 7 вечера был вынос тела. На улице поставили на несколько минут гроб, проиграл духовой похоронный марш, взяли гроб на руки 6 человек, обитый материалом, утопая в цветах. Впереди шла убранная машина, несли покрывало, покрытую большим венком. Следом 7 венков очень красивых с надписями на кумаче. Сзади оркестр. Шествие шло очень тихо. У клуба остановились, проиграли новый марш и двинулись дальше. Попеременно несли на руках, рыдая до кладбища. Мура, дорогая, если бы ты видела, сколько было народу. Были все: и малые, и старые. Деревня была пуста. Это были не похороны, а вроде демонстрации. Потому что у...но отнеслось начальство. Они мне не выдают его зарплату т.к. я не зарегистрирована с ним. Насчёт этого послали в глав. контору. И вот все бросили ночную работу и пошли провожать в последний путь. На кладбище рыдали все. Близкие друзья не могли сказать слова из-за переживания по нём. Выказалось 3 человека и то с рыданием. Спускали гроб с музыкой, после погребения подойдя духовой к могиле сыграли ещё 16 тактов. На поминках было человек 80-90. Стол стал мне примерно 1050 рублей. Брала 16 бутылок белого и 2 красного. Приготовлено было всё прекрасно. С кухней управлялись 4 женщины. И вот, дорогая, все разошлись, остался ночевать приятель со своей женой. Прошло три ночи и я за три ночи уснула. 2 часа под ... я съела 1 яйцо. Мурочка я за эти дни стала седая. Хожу по улице и на кладбище. Все меня ругают, что я стала чёрная как уголь. Обещала 18 выехать мама на похороны, но ей стало плохо и отбили снова, что маме плохо и выехать не может. Приедет фотограф, я сфотографирую могилку и пришлю. Закажу портреты и тоже вышлю вам. Мура, милая, пиши. Я еще видимо осталась беременная, которую он так хотел. При вскрытии трупа оказался паралич сердца, которого он до дня смерти не знал, что у него больное сердце. Желудок зарубцевался так, что даже не нашли и следа, где был зашит желудок. Внутренности уже покрылись жиром. Мурочка, если бы ты видела, какой он стал после операции, молодой, красивый, энергичный. Мы всегда чисто одевались и нам всегда завидовали. Его любила вся деревня. Он никому ничего не сделал плохого. Вчера прислал приятель с Новосибирска письмо. Фамилию не

сообщил, не знаю, как ответить. Напиши ты ему письмо и опиши всё это. Прости, где не дописано или ошибки, я еле сижу за пером. А то завтра идёт почта. Крепко целую Вас всех четверых.

Мура, милая, не забывай, пиши ответ на него обязательно. Ближе Вас у меня никого нет.

29/VI.

Здравствуй, дорогая Мура.

Не могу дождаться от Вас письма. Как Вы переносите. Я с каждым днём становлюсь чернее и седее. Ни на минуту не выходит с моей головы. На кладбище

Мария Смелякова
на могиле мужа
(июнь 1954 г.)

хожу ежедневно. Сделала всё. Могила сделана так, как в городе с надгробником (Прим. надгробием). Так как там песчаная почва и ничего не растёт, я привезла травянистого дёрна с большой травой и цветами и ещё посадила цветы домашние, васильки, анютины глазки, гвоздику. Это все уложено сверху надгробника. Могила очень красиво отделана.

Песок весь укатан в оградке и по краям посадила шиповник и по углам сосёнки. Оградку соединили с его крестником. За памятником похоронен крестник. Его на фото не видно. Наша оградка на фото только левая сторона, а зад и правая сторона

не захвачена. Напротив скамейки, за памятником калитка. Посмотрите хотя их могилку. Еще не красила, дожди мешают, уже 12 день идут дожди, и солнце не показывается. Собираюсь уезжать в Канск. Но распродаться не могу. Многие освободились и все уезжают. Не знаю, как я выберусь отсюда. Видимо придётся всё оставлять и зимой приезжать. Но Вы пишите, когда уеду, сообщу свой адрес. Женя очень о папе переживает, спрашивает, когда он проснётся и задаёт такие вопросы, что больно рыдаешь. Мура, дорогая, никогда мне его не забыть. Как тяжело. Большое спасибо за помощь. На почте я так рыдала, когда пришли деньги. Я просто

стала дурра. Хожу, как очумелая, ничего не соображаю. Привет сёстрам. Вы все вместе, и вам легче, а я одна на чужой стороне.

Крепко целую.

Мария.

Мура, даже природа способствовала, месяц не было дождя и вот перед выносом тела налетелся потоковая тучка побрызгала и снова стала жара. Вся деревня ходит как ошеломлённая после смерти его. Я собираюсь уезжать. 40 дней побуду, как полагается. Сегодня в столярне приготовили всё для оградки. Из-за дождя сегодня не могли. Завтра сделаем оградку. Кто-нибудь расскажет о похоронах. Ведь сейчас массовое освобождение и мы этот год собирались выбираться отсюда., если не совсем, то в гости. Пиши, может не всё охватила, не чуждайтесь, ведь я к Вам самая близкая.

Крепко целую. Мария.

Женя всё время рыдал по папке.

«Вечером он долго читал книгу – писала в своих письмах Мария Ивановна. Сейчас уже не помню, какую именно. Ложась спать, спросила: «Ну и что там в

конце?». Он ответил: «Она умерла». А утром, собираясь на работу, сказал: «Видел ужасный сон». Рассказывать не стал, знал мой беспокойный характер. В конце деревни в маленькой избушке – диспетчерской он выписывал путевки, выпускал машины на линию. Говорят, при заполнении очередной путевки он бессильно уронил голову на стол. Когда окружающие опомнились, он был уже

Открытие памятника на могиле писателя в Машуковке (12 июня 2002 г.).

мертв».

Хоронили Бориса Михайловича всей деревней. Народ шел сплошным потоком от дома до кладбища. Звучал духовой оркестр. Шпалозавод остановил работу. Все пошли проводить в последний путь человека, которого хорошо знали, своего товарища. Гудел заводской гудок. Один из выступающих сказал: «Спи

спокойно, наш любимый Борис Михайлович. Придет время, когда твой прах с честью привезут на родину»...